

LE DÉMOCRATE-SOCIALISTE

СОЦАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

ТРЕХМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Декабрь

ЖЕНЕВА

Типографія „СОЦАЛЬ-ДЕМОКРАТА“. Route de Lancy, 505

1890

Содержаніе.

	Стр.
РУССКІЙ РАБОЧИЙ ВЪ РЕВОЛЮЦІОННОМЪ ДВИЖЕНІИ.	
Г. Плеханова.	4
ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. В. И. Засуличъ	36
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ (Статья третья). Г Плеханова	71

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ ВО ФРАНЦІИ СО ВРЕМЕНИ	
КОММУНЫ. Ж. Гэда.	1
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ СОЦІАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТІИ	
И ПОСЛѢДНІЕ ВЫБОРЫ ВЪ ГЕРМАНСКІЙ	
РЕЙХСТАГЪ. П. Аксельрода	22
ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.	41
ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ	74
БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ	101
ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ РОССІИ : I. Реформы на Карѣ. II. Письмо	
изъ Сибири. III. Аресты и преслѣдованія	126
АРЕСТЪ ЛУЦКАГО ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.	131
Ц. ДЕ ПАИЪ (некрологъ). К. А. ВАРШЕХОВСКІЙ (некрологъ)	134
П. А. ОРЛОВЪ (некрологъ)	135

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ

I

НАШИ СОВРЕМЕННЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРОТИВОРѢЧІЯ.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, во время поднятаго газетою Суворина спора объ „интеллигенціи“, г. Михайловскій, въ отвѣтъ на замѣчаніе своихъ противниковъ, что нигдѣ въ Европѣ подобное слово не употребляется въ смыслѣ опредѣленія особой общественной силы, возражалъ, что въ Европѣ интеллигенція и не являлась никогда самостоятельной общественной силой, какою является у насъ; что тамъ, поэтому, въ подобномъ словѣ нѣтъ и не было надобности. Къ тому времени, когда тамъ восторжествовала буржуазія, интеллигенція находилась съ ней въ полномъ единеніи, она утопала въ буржуазіи, и для ея опредѣленія не требовалось особаго термина. Теперь въ Европѣ „такъ называемое четвертое сословіе выставило свою интеллигенцію“, но и у нея нѣтъ своихъ особыхъ интересовъ и для нея не нужно особаго названія. Наша интеллигенція въ другомъ положеніи: „Ей извѣстно то, что не было въ свое время извѣстно интеллигенціи европейской... Мы не можемъ призывать къ себѣ буржуазію не то, что съ энтузіазмомъ, а даже просто безъ угрызений совѣсти, ибо знаемъ, что торжество ея равносильно систематическому отобранію у народа его хозяйственной самостоятельности...“ Съ другой стороны и наша буржуазія, „Колупаевы и Разуваевы“, враждебны свободѣ мысли и слова, необходимой интеллигенціи. „Логически онѣ (буржуазія и интеллигенція) у насъ прирожденные враги, и въ этомъ именно состоитъ если не самобытность наша, то особенность нашей исторіи...“ Наша интеллигенція (оппозиціонная, народническая, о которой говоритъ г. Михайловскій), богатая чужимъ историческимъ опытомъ, должна служить народу, оберегать отъ буржуазіи его хозяйственную самостоятельность, стоять на стражѣ его интересовъ. „Сердцемъ и разумомъ“ она отдается на служеніе народу, но „слѣбшимъ историческимъ процессомъ мы оторваны отъ народа, мы — чужіе ему, какъ и всѣ такъ называемые цивилизованные люди...“

Такимъ образомъ, враждебная буржуазія, чужая народу и по меньшей мѣрѣ не своя ни дворянству, ни духовенству, какъ таковымъ, оппозиціонная интеллигенція оказалась „самостоятельной общественной силой“. Для малочисленнаго, политически угнетеннаго слоя признаніе необходимости „служить народу“ безъ него и помимо его содѣйствія равнялось въ сущности признанію своего полного общественнаго *безсилія*, полной невозможности оказать народу какую бы то ни было услугу. „Самостоятельность“ или, вѣрнѣе, изолированность интеллигенціи ото всѣхъ слоевъ населенія устранила самую мысль о какой бы то ни было политической борьбѣ. Правительство постепенно отѣсняло эту интеллигенцію ото всѣхъ сферъ общественной дѣятельности, а оставшаяся ей на долю словесная борьба со стихійнымъ, слѣпымъ и глухимъ экономическимъ процессомъ. т. е. съ работой Колупаевыхъ и Разуваевыхъ надъ „лишеніемъ народа его хозяйственной самостоятельности“, могла также мало помѣшать этой работѣ, какъ молитва „отъ червя“ можетъ помѣшать червю ѣсть капусту.

Но въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ ни оппозиціонная, ни революціонная интеллигенція, тоже признавшая себя, незадолго передъ тѣмъ, самостоятельной отъ народа общественной силой, еще не подозревала всей безвыходности подобной „самостоятельности“ для угнетенной партіи, всей невозможности для нея какой бы то ни было систематической общественной дѣятельности при такомъ сознаніи.

Въ то время народническая литература еще чувствовала себя большой силой. На ея теоріяхъ, подкрѣпленныхъ открытіемъ г. В. В. относительно невозможности развитія у насъ капитализма, воспитывалось все молодое поколѣніе, ихъ раздѣляло большинство оппозиціонно настроенной части нашихъ образованныхъ классовъ. Не смотря на стѣсненія и преслѣдованія, народничество тогда еще бодро смотрѣло въ будущее, но восьмидесятые годы постепенно измѣнили это настроеніе.

Вотъ какъ характеризуетъ литературный обозрѣватель „Русской Мысли“ *), органа болѣе другихъ охраняющаго старыя традиціи, состояніе „передовой части общества литературы“ въ моментъ вступленія въ новое десятилѣтіе: „Чувства сиротливости, растерянности и сожалѣнія о прошломъ составляли отличительную черту нашей журнальной литературы въ истекшемъ году. Съ ними же она вступаетъ и въ годъ девяностый. Насталъ во - истину странный моментъ. Все самое живое и отзывчивое въ нашемъ обществѣ, все, что хочетъ движенія, а не застоя, все это смотритъ назадъ, а не впередъ, не привѣтствуетъ грядущее, не ставитъ ему новыхъ задачъ, а оплакиваетъ недавнее прошедшее... И намъ кажется, что подобному настроенію передовой части общества и связанному съ нимъ направленію литературы врядъ - ли предвидится близкій конецъ... Освѣщать совокупность прогрессивнаго движенія общества... взглядываться, по выраженію Щедрина, „въ свѣтящіяся точки, которыя мерцаютъ въ перспективахъ будущаго“, творить

*) Февраль 1890 года.

впередъ, дальше отъ того мѣста, на которомъ оставили насъ мысль и чувство прежнихъ дѣятелей, не укрѣплять только, а развивать ихъ идеи, — для всѣхъ этихъ задачъ врядъ-ли теперь литература найдетъ въ себѣ достаточно мощи...“ Оставаясь вѣренъ „мыслямъ прежнихъ дѣятелей“, авторъ не можетъ, конечно, видѣть причину безнадежности охватившей нашу оппозиціонную литературу и связанную съ нею часть общества, въ безнадежности ея ученія, при свѣтѣ котораго не возможно замѣтить въ Россіи ни тѣни „прогрессивнаго движенія“, ни одной „свѣтящейся точки“ въ ея будущемъ. Онъ убѣжденъ, на оборотъ, что наша литература и впредь должна „противостоять вліянію буржуазно-капиталистическаго чада въ нашу жизнь“ и „твердо стоять за приобрѣтенныя руководящія начала“. По его наблюденію литература именно съ этими „скромными, но твердыми желаніями“ и вступаетъ въ новое десятилѣтіе. Въ его глазахъ, виновникомъ паденія нашей литературы, на ряду съ тяжелыми условіями русской жизни, является также Западъ.

Мы вернемся еще къ этому характерному обвиненію. Пока насъ занимаетъ, такъ сказать, внутреннее положеніе нашей оппозиціонной литературы. Оно въ сущности еще печальнѣе, чѣмъ можно было думать, судя по характеристикѣ критика „Русской Мысли“. Такъ долго господствовавшіе въ ней взгляды и настроеніе потеряли свою притягательную силу для молодаго поколѣнія. Не то, чтобы молодые писатели, выступившіе къ концу 80-ыхъ годовъ, отнеслись критически къ господствовавшей оппозиціонной теоріи и противопоставили ей другую. Нѣтъ, они просто махнули рукой на всякія теоріи, идеи и идеалы. Молодые писатели, говоритъ г. Михайловскій въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, „или ударяются въ мрачный (можетъ быть иногда напускной) пессимизмъ... или такъ опытно, трезвенно, такъ умѣренны и аккуратны, что ни о какихъ запросахъ и взмахахъ и рѣчи быть не можетъ...“ И это вдобавокъ не просто себѣ узкіе практики спеціалисты, зачѣмъ-то затесавшіеся въ литературу и мирно бесѣдующіе въ ней каждый о своей спеціальности, — между ними есть цѣлая группа (съ которою полемизировалъ г. Шелгуновъ въ „Русской Мысли“), возводящая политическій и общественный индифферентизмъ въ принципъ, въ программу, видящая въ немъ новое слово, вѣкоторымъ образомъ знамя молодаго поколѣнія, пришедшаго на смѣну отцамъ. Жалобами на „замиранье умственныхъ интересовъ“, на „охлажденіе нравственной температуры“, на „уменьшеніе спроса на стыдъ и совѣсть“ въ особенности среди молодаго поколѣнія полна наша оппозиціонная литература. Вотъ какъ рекомендуютъ себя публикѣ сами господа индифферентисты устами критика „Недѣли“: „Новое поколѣніе (80-хъ годовъ) родилось скептикомъ и идеалы отцовъ и дѣдовъ оказались надъ ними бесплывными. Оно не чувствуетъ ненависти и презрѣнія къ обыденной человѣческой жизни, не признаетъ обязанности быть героемъ, не вѣритъ въ возможность идеальныхъ людей. Всѣ эти идеалы — сухія, логическія произведенія индивидуальной мысли и для новаго поколѣнія осталась только дѣйствительность, въ которой ему суждено жить и которую оно потому и признало. Оно приняло свою судьбу спокойно и безропотно, оно

прониклось сознаниємъ, что все въ жизни вытекаетъ изъ одного и того - же источника — природы, все являетъ одну и ту же тайну бытія...”

Можно, конечно, лишь поздравить благонаправныхъ „восьмидесятниковъ“ съ тѣмъ, что изъ ихъ „природы“ для нихъ „вытекаетъ“ такое удобное и пріятное настроеніе. Но вѣдь въ современной Россіи имѣются двѣ, стоящія между собою въ полнѣйшемъ противорѣчьи дѣйствительности, причемъ старая дѣйствительность самодержавія тѣснить и калѣчить новую — разившуюся въ прошлое царствованіе. Противъ одного изъ элементовъ этой новой дѣйствительности, противъ всего небогатаго, различнаго слоя болѣе или менѣе образованныхъ людей, разросшагося въ Россіи лишь за послѣдніе тридцать лѣтъ, старая дѣйствительность въ лицѣ правительства ведетъ прямую истребительную войну, изгоняя его постепенно изъ всѣхъ сферъ общественной дѣятельности, стараясь сократить его численность затрудненіями для небогатыхъ людей доступа къ среднему и высшему образованію, ссылая по малѣйшему поводу, и даже безъ всякихъ поводовъ, возможно большее количество молодежи, кое какъ добившейся образованія. Въ этомъ всячески, истребляемомъ словѣ, къ которому принадлежитъ большинство, какъ русскихъ читателей, такъ и русскихъ писателей, вражда къ правительству, стремленіе къ протесту и самые „идеалы“, неизбежныя при всякомъ широкомъ освободительномъ движеніи, прямо „вытекаютъ изъ того же источника природы, какъ и все въ жизни“, какъ и самая свирѣпость нашего самодержавнаго правительства. За то „тайна бытія“ литературнаго направленія, не причисляющаго себя къ торжествующему реакціонному лагерю и въ то же время заявляющаго, что представляемое имъ „поколѣніе“ живетъ „спокойно и безропотно“, не чувствуя ни вражды ни ненависти, далеко не такъ прямо и непосредственно вытекаетъ изъ „природы“ соціального и политическаго состоянія Россіи, хотя имѣетъ, конечно, свое естественное объясненіе.

Въ „Очеркахъ русской жизни“ конца прошлаго и начала нынѣшняго года г. Шелгуновъ высказалъ не мало горькихъ истинъ „безропотнымъ“ восьмидесятникамъ (являющимся безропотными, впрочемъ, только по отношенію къ „обыденной дѣйствительности“; на литературныхъ противниковъ, вѣроятно не причисляемыхъ ими къ дѣйствительности, они наоборотъ сильно ропщутъ и относятся къ нимъ далеко не спокойно). „Безсильные“, „бездружные“, „неспособные ни на какой протестъ, даже умственный“, проповѣдники „теоріи оглушенія“... не мало надавалъ онъ имъ такихъ, хотя и не лестныхъ, но волюнѣ заслуженныхъ эпитетовъ. Чтобы выступить въ современной Россіи съ проповѣдью безропотности и примиренія, надо быть дѣйствительно и слабымъ и бездружнымъ. Но такихъ людей всегда много на бѣломъ свѣтѣ; хотя въ литературѣ ихъ голоса слышны лишь тогда, когда молчатъ люди другого настроенія. Намъ кажется, что гораздо интереснѣе вопроса о бездружии пишущихъ „восьмидесятниковъ“, является вопросъ о томъ, почему восьмидесятые годы не выставили писателей съ „душой“?

Тѣ условія, которыя вкладывали въ нашу интеллигенцію ея „ду-

шу“, т. е. ея безпокойное, протестующее настроеніе, сочувствіе всѣмъ жертвамъ, ненависть ко всякаго рода угнетателямъ и поиски за выходомъ изъ современнаго положенія, — условія, порождавшія въ нашей интеллигенціи всѣ эти качества, не только не исчезли въ восьмидесятыя годы, а еще усилились. Молодое поколѣніе нашего средняго образованнаго класса не могло вырости все сплошь спокойнымъ, довольнымъ и счастливымъ; за это ругаются намъ тѣ политическіе тиски, въ которыхъ оно зажато. Почему же люди съ „душой“, не спокойные и не безропотные, не находятъ ничего сказать своимъ соотечественникамъ и уступаютъ слово тѣмъ членамъ своего поколѣнія, которые не признаютъ иныхъ вопросовъ кромѣ специально-практическихъ, касающихся лишь ихъ „повседневной жизни“? Не виновата-ли тутъ сама наша „душевная“, оппозиціонная, народническая литература, составлявшая почти единственную умственную пищу молодого поколѣнія?

II

Не литература, конечно, а сама жизнь создаетъ безпокойное, протестующее настроеніе. Но литература даетъ опредѣленное выраженіе этому, не ею созданному, настроенію, находитъ соотвѣтствующую ему систему взглядовъ, помогаетъ вырабатывать программу дѣятельности. И если проповѣдуемые литературой взгляды и вытекающія изъ нихъ стремленія соотвѣтствуютъ тому направленію, въ которомъ дѣйствуетъ и объективный, бессознательный социальный процессъ, совершающійся въ странѣ, она можетъ стать силой, вліяніе которой отразится на всемъ ходѣ освободительнаго движенія, перейдя далеко за предѣлы слоя людей, специально числящихся ея благосклонными читателями. Но для того, чтобы имѣть хоть какое нибудь вліяніе на своихъ читателей, чтобы наталкивать этихъ читателей на какую бы то ни было общественную дѣятельность, ведущую или не ведущую къ цѣли, оппозиціонная литература угнетенной страны необходимо нуждается въ социальной теоріи, дающей представленіе о благѣ народныхъ массъ, съ интересами которыхъ такъ или иначе понимаемыми, инстинктивно стремится слить свои интересы угнетенная и безъ поддержки народа совершенно безсильная часть образованныхъ классовъ, создающая оппозиціонную литературу и воспитывающая на ней свои молодые поколѣнія.

Чистый либерализмъ не могъ выставить въ Россіи такой социальной теоріи; потому то онъ и не привлекалъ у насъ значительныхъ литературныхъ силъ и не пользовался вліяніемъ. *) Теорію „народнаго бла-

*) „Вѣстникъ Европы“ считается некоторыми органомъ чистаго либерализма. Онъ, правда, мало занимается вопросами народнаго хозяйства, но когда ему случается высказываться по этимъ вопросамъ, онъ требуетъ, вмѣстѣ съ остальными оппозиціонными журналами, охраненія общины, уничтоженія 165 ст Положенія о выкупѣ и пр. Словомъ стремится вмѣстѣ съ народниками къ охраненію русской самобытности.

га“ давало за послѣднія десятилѣтія одно народничество. Въ то время, когда выступало на литературное поприще большинство защитниковъ этого направленія, имъ могли увлекаться люди съ „душой“, умомъ и талантомъ. Въ народничествѣ живо сказывалось тогда не выступавшая наружу и тѣмъ не менѣе проникавшая его струя социалистическаго и революціоннаго теченія. Ни сама послѣ-реформенная жизнь, ни ея изученіе не подвинулись еще въ то время настолько, чтобы разсѣять розовый туманъ, сквозь которой глаза интеллигенціи могли видѣть въ деревнѣ лишь смутные образы, подтверждавшіе ея идеи. Съ тѣхъ поръ ни отъ тумана, ни отъ образовъ не осталось въ сущности и слѣда.

Вѣрные своей теоріи, но въ то же время правдивые и искренніе изслѣдователи народной жизни, никогда не подгибавшіе подъ теорію фактовъ дѣйствительности, писатели-народники сами сдѣлали все, чтобы показать, что съ тѣми особенностями этой жизни, на которыхъ основывается, которая идеализируетъ ихъ теорія, связано не народное благо, а лишь избытокъ народнаго страданія. Теорія говоритъ о прелестяхъ общиннаго землевладѣнія, о свойственномъ земледѣльцу - общиннику духѣ братства и справедливости, а народники, хотя и рассказываютъ о передѣлахъ, при которыхъ земля измѣряется лаптями и „носокъ упирается въ пятку“, но рядомъ съ этимъ, изображаютъ страшную борьбу за существованіе, ведущуюся внутри общины при условіяхъ, допускающихъ массу жестокостей и несправедливостей, которыя были бы невозможны безъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, отдающаго побѣжденныхъ подъ власть и подъ розги побѣдителей, которые распоряжаются по праву сильнаго всѣми дѣлами общины. Теорія говоритъ о нашихъ преимуществахъ передъ Западомъ и объ обязанности охранять „хозяйственную самостоятельность народа“, основанную на самобытности нашего земледѣльческаго строя. А талантливые изобразители крестьянскаго быта, исповѣдующіе эту теорію, рисуютъ современное положеніе нашей деревни такими мрачными красками, передъ которыми всѣ бѣдствія „лишеннаго хозяйственной самостоятельности“ западнаго пролетарія кажутся благоденствіемъ, а незнающіе общины и никѣмъ не „охраняемые“ крестьяне Франціи или Германіи чуть не Крезами. Даже положеніе русскаго пролетарія оказывается по свидѣтельству самихъ народниковъ слишкомъ обезпеченнымъ и свободнымъ, слишкомъ хорошимъ для русскаго крестьянина: оно его „избаловываетъ“. Побывавшему на фабрикѣ крестьянину уже трудно помириться со своимъ прежнимъ „самостоятельнымъ“ положеніемъ; онъ испыталъ лучшее. *)). Раз-

*) Свидѣтельства объ этомъ встрѣчаются на каждомъ шагу въ нашей народнической литературѣ. Приведемъ на удачу два изъ „Русской Мысли“ нинѣшняго года. Въ Апрельской книжкѣ, въ статьѣ „Крестьянскія Женщины“, г. Успенскій цитируетъ статью г. Свѣта въ „Этнографическомъ журналѣ“, гдѣ въ числѣ проявленій „неблаговиднаго настроенія“ побывавшій на фабрикахъ деревенской молодежи приводятся такіа: „пиджа, которую ѣдятъ отцы кажется (только кажется?) имъ скудной“, они „не удовлетворяются уже одеждой домашняго приготовления.... а главное, не хотятъ быть хозяевами, какъ ихъ отцы...“ Еще бы хотѣть! „Розга была и покажется будетъ“ констатируется относительно деревни во внутреннемъ обзорѣнн Мартовской книжки Р. М. Но нѣсколькими строками ниже говорится, что для из-

сказы, очерки и замѣтки, являющіеся результатомъ наблюденія народниковъ надъ жизнью къ деревнѣ, рисуютъ картину страданій крестьянъ, говорятъ объ интенсивности народнаго бѣдствія, а статистика отмѣчаетъ своими голыми цифрами постоянное увеличеніе числа страдающихъ, распространеніе бѣдствій.

Но какъ бы быстро ни разорялись крестьяне, какъ бы ни была тяжела ихъ жизнь при настоящемъ экономическомъ и гражданскомъ строѣ нашей деревни, теорія народниковъ, являющаяся идеализаціею этого самаго строя, вынуждаетъ ихъ отстаивать, не смотря ни на что, его основную черту: прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Это прикрѣпленіе является краеугольнымъ камнемъ народнической программы. „Роковая“, „несчастливая“, „разрушающая вѣковѣчныя устои народнаго быта“ 165 ст. Положенія, позволявшая продажу выкупленныхъ надѣловъ, оставалась въ ихъ глазахъ главнѣйшей погрѣшностью нашего поземельнаго законодательства: сохранись только эта статья и вмѣстѣ съ окончаніемъ выкупной операціи крестьяне освободились бы отъ прикрѣпленія. А народники давно не вѣрятъ въ сохраненіе нашихъ самобытныхъ „устоевъ“ безъ ограниченія гражданской свободы крестьянства. Высказаться противъ этого ограниченія было бы равносильно для нихъ отреченію отъ самаго народничества. Посмотрите же, какой смыслъ придали постепенно жизни этому требованію народниковъ. Въ былые годы за прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ признавалась способность гарантировать Россію отъ размноженія пролетаріата. Но давно уже въ литературѣ начали появляться свѣденія о его размноженіи. А вотъ какіе выводы приходится дѣлать теперь нашимъ журналамъ изъ данныхъ земской статистики: „Въ виду приведенныхъ данныхъ (цифръ земской статистики) мы вѣроятно не ошибемся, говоритъ авторъ статьи въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“,*) если весь разрядъ домохозяевъ, которые совсѣмъ прекратили хозяйство и не имѣютъ инвентаря или не обладаютъ достаточнымъ количествомъ рабочаго скота для обработки какъ собственныхъ надѣловъ, такъ и арендной земли,—опредѣлимъ въ 60 00 всѣхъ домохозяевъ, включая и безземельныхъ“... „И съ каждымъ годомъ благосостояніе народа падаетъ, говорится въ той же статьѣ, уменьшается количество скота, понижается производительность почвы, сокращается земледѣліе, увеличивается количество безхозяйнаго и безлошаднаго пролетаріата и происходитъ постепенное сокращеніе народнаго потребленія“....

бавленія отъ розги крестьянину стоитъ только уйти изъ селенія и поступить н^а фабрику, тамъ другое дѣло, тамъ его не высѣкутъ. Теперь не высѣкутъ и за плохую работу прогонятъ. Во времена крѣпостнаго права, на тѣхъ заводахъ, гдѣ работали крѣпостные, они были „гарантированы“ отъ изгнанія и ихъ сѣкли. Крестьянинъ, не „гарантированный“ отъ обращенія въ пролетарія за неисполненіе своихъ денежныхъ обязательствъ можетъ лишиться земли, но не будетъ высѣченъ. Нашъ гарантированный крестьянинъ остается при землѣ и лежащихъ на ней налогахъ хотя бы однѣ накопившіеся на ней казенныя недоимки въ нѣсколько разъ превышали ея стоимость. Уплата податей гарантируется у насъ, слѣдовательно, не имуществомъ крестьянина, а его личностью. И ради этой именно гарантіи онъ лишень части своихъ гражданскихъ правъ и подлежитъ унижительнымъ наказаніямъ.

*) Іюнь 1890 г. Крестьянскій банкъ К. Ч — въ.

Жизнь, какъ нельзя нагляднѣе, доказала народникамъ, что прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ не мѣшаетъ самому быстрому размноженію пролетаріата. Но оно вредно вліяетъ на судьбу этого пролетаріата, ставитъ его различными стѣсненіями въ самое невыгодное положеніе по отношенію къ нанимателю, выпускаетъ его изъ деревни приученнымъ систематической голодовкой къ самому низкому уровню потребностей, вліяющему и на уровень заработной платы, — выпускаетъ съ долгами на шею и вынуждаетъ уплачивать изъ своего заработка поземельный налогъ во всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ мѣстностяхъ, гдѣ платежи превышаютъ доходность земли, *) и оставляетъ подъ вѣчнымъ унижительнымъ опасеніемъ быть вытребованнымъ въ деревню и высѣченнымъ за недоимки.

Тому изъ молодыхъ читателей оппозиціонныхъ журналовъ, который интересуется не одною своею „обыденною жизнью“, который принимаетъ тѣ или другіе взгляды не просто потому, что надо же имѣть какіе нибудь, а эти первые попались подъ руку, который думаетъ надъ тѣмъ, что читаетъ, — словомъ читателю съ задатками „души“, не можетъ, намъ кажется, не приходиться иной разъ въ голову, что для всего этого безлошаднаго, безхозяйнаго и „отсутствующаго люда“, — въ положеніи котораго вся необезпеченность пролетаріевъ соединяется съ безправіемъ крѣпостныхъ, — право владѣть или не владѣть „постылыми“ надѣлами и развязаться съ властью деревенскаго общества было бы въ настоящее время большимъ облегченіемъ. Облегченіемъ было бы, конечно, уравненіе ихъ гражданскихъ правъ съ правами другихъ сословій и для тѣхъ крестьянъ, которые еще крѣпко держатся за землю. Вѣдь это уравненіе неминуемо повело бы за собою также и уравненіе въ обложеніи всѣхъ земель въ чѣмъ бы ни находился онѣ владѣніи. Но молодому читателю приходится гнать отъ себя такіа мысли. Это разрушеніе народничества, а съ оппозиціоннымъ народничествомъ связаны всѣ лучшія воспоминанія послѣднихъ десятилѣтій; его и теперь придерживаются всѣ самые любимые писатели. Видѣ его читатель встрѣчаетъ лишь бессмысленную развязность и реакціонное челоуѣко-ненавистничество. И вотъ онъ успокаиваетъ себя тою мыслью, что если прикрѣпленіе къ землѣ и тяжело ложится въ настоящемъ на крестьянина, оно необходимо ради будущаго. Оно сохраняетъ общинныя традиціи и права на землю забросившихъ хозяйство и отсутствующихъ крестьянъ, права „постылыя“ въ настоящемъ, но драгоценныя въ буду-

*) „Платежи превышающіе доходность надѣла, дѣлаютъ его буквально постылым“, говоритъ внутренній обозрѣватель Вѣстника Европы (Іюль 1890 г.) и доказываетъ, что превышаютъ они эту доходность въ очень многихъ мѣстностяхъ даже черноземныхъ губерній, потому въ особенности, что доходность крестьянскихъ земель всегда ниже доходности частновладѣльческихъ. Свои выводы онъ основываетъ на данныхъ земской статистики и тутъ же, по поводу одного изъ этихъ данныхъ: меньшаго количества недоимокъ, за бѣднейшими общинниками по сравненію съ болѣе зажиточными однодворцами, онъ дѣлаетъ комплименты общинному землевладѣнію. Хорошо-то оно хорошо, только ужь, конечно, не для крестьянъ, а для правительства, облегчая его самообитную задачу: высѣкать изъ общинниковъ громаднаго поземельнаго подати.

щемъ, когда различныя мѣры снова превратятъ этихъ крестьянъ въ хозяйственныхъ, многолошадныхъ членовъ процвѣтающихъ общинъ.

„На зарѣ туманной юности“ народничества, когда не выяснились ни размѣры крестьянскаго раззоренія, ни степень безсилія интеллигенціи, еще можно было подыскивать кое какія оправданія требованію ограниченія правъ крестьянъ въ настоящемъ, ради благъ ожидающихъ ихъ въ будущемъ. А какое необузданное воображеніе въ состояніи представить себѣ теперь всю громадность „мѣръ“ способныхъ вернуть эти 60 00 страшно задолжавшаго, забросившаго хозяйство или не имѣющаго достаточно скота для полной обработки своихъ надѣловъ крестьянства, хотя бы лишь въ то положеніе, въ какомъ оно вышло изъ нѣдръ дореформенной, крѣпостной Россіи? Во всякомъ случаѣ, тутъ нельзя уже серьезно говорить о частныхъ мѣрахъ въ родѣ кредита, переселеній и проч. Чтобы уничтожить задолженность и возстановить утраченную „хозяйственную самостоятельность“ большинства крестьянъ, мало самаго крайняго напряженія всѣхъ силъ государства и самыхъ громаднѣхъ пожертвованій со стороны всѣхъ другихъ сословій. А какія основанія у нашей современной интеллигенціи рассчитывать на какія бы то ни было, большія или малыя, государственныя мѣры въ желательномъ ей направленіи?

Правительство, правда, имѣетъ претензію на усиленное народолюбіе. Даже и интеллигенцію - то оно преслѣдуетъ, по увѣренію реакціонной печати, преимущественно вслѣдствіе своей чрезвычайной нѣжности къ мужику. Оно питаетъ также искреннюю привязанность ко всѣмъ нашимъ самобытнымъ учрежденіямъ отъ деспотизма до общины и розги включительно, и если вѣренъ слухъ сообщенный „С.-Петербургскими Вѣдомостями“, „вопросъ о неотчуждаемости крестьянскихъ земель рѣшенъ, наконецъ, въ утвердительномъ смыслѣ“ и „роковая“ статья Положенія не будетъ больше огорчать народниковъ. Но вѣдь и народники не скажутъ, конечно, чтобы самое „безусловное запрещеніе“ продажи выкупленныхъ надѣловъ могло принести крестьянамъ какое бы то ни было облегченіе. Оно только успокаиваетъ народниковъ, отнимая у нетерпѣливыхъ крестьянъ послѣднюю возможность избавляться при случаѣ (когда скупщику понадобятся надѣлы) отъ земли, кабалы и розогъ и искать себѣ, какъ знаютъ и какъ могутъ, лучшей доли, не дождавшись уготованнаго имъ въ воображеніи ихъ заботливыхъ друзей блаженнаго будущаго. Запрещеніе продавать выкупленные надѣлы открываетъ также радужныя перспективы и передъ правительствомъ, гарантируя ему возможность, по окончаніи выкупныхъ платежей, возобновить ихъ подъ тѣмъ или другимъ названіемъ. Но едва-ли кто ожидаетъ отъ правительства какихъ нибудь мѣръ, способныхъ улучшить положеніе крестьянъ въ настоящемъ или въ будущемъ. Ему едва подъ силу обезпечить „будущность“ снабженныхъ бездонными карманами дворянскихъ „фамилій“. А главное, — прошли тѣ времена, когда антипатія къ „участку“ и всевозможныя либеральныя, прогрессивныя и благожелательныя поползновенія мирно уживались у насъ съ предпочтеніемъ самодержанія инымъ формамъ правленія. Само правительство положило конецъ этой двойственности. Раздѣлай взгляды правитель-

ства или убирайся — требует оно от всякаго „общественнаго дѣятеля“. Намъ кажется, что восьмидесятие годы не могли не вытравить изъ каждаго, серьезно относящагося къ своимъ убѣжденіямъ, противника „участка“ послѣднюю охоту рассчитывать на „благія мѣры“ самодержавнаго правительства. Вѣдь ожидать отъ него осуществленія, своихъ идеаловъ значитъ признавать полную правомѣрность его существованія, а слѣдовательно и правомѣрность всѣхъ дѣйствій (до истребленія недовольной интеллигенціи, включительно), которыми оно ограждаетъ это существованіе. А далѣе сама логика требуетъ, — разъ мы надѣемся на правительство — помочь ему въ осуществленіи нашихъ надеждъ: пойти на службу, заявивши предварительно о своей благонамѣренности, и принять участіе въ торжествующемъ хорѣ побѣдителей.

Одно предположеніе о такомъ концѣ не можетъ не вызвать въ каждомъ „не бездушномъ“ интеллигентѣ такого же взрыва негодованія, какой вызвало въ Кустаревѣ и Благомировѣ *) сопоставленіе ихъ съ покаявшимся Тихомировымъ: въ комъ не вызоветъ, кто можетъ, не смотря ни на что, возлагать надежды на самодержавное правительство, тотъ находится на прямомъ пути къ реакціонному народничеству Побѣдоносцевыхъ, Тихомировыхъ и проч., а мы говоримъ о томъ настроеніи, которое должно вызываться столкновеніемъ жизни съ теоріей въ оппозиціонной интеллигенціи.

Какія же основанія у этой интеллигенціи надѣяться на мѣры, въ ожиданіи которыхъ слѣдуетъ „потерпѣть“ прикрѣпленному крестьянину?

Со всякими помыслами о народной революціи она давно рассталась гораздо полнѣе и основательнѣе, чѣмъ съ вѣрой въ благодѣтельную монархію. У нея мелькаетъ впереди только одна надежда: на конституцію. Мелькаетъ не потому, чтобы интеллигенція видѣла передъ собою какой нибудь путь для пріобрѣтенія этой конституции или хотя бы признаки ея приближенія. Надежда порождена въ ней ея горячимъ желаніемъ, а желаніе навязано ей самой жизнью — слишкомъ яркимъ противорѣчіемъ, въ которое стала монархическая власть со всѣми условіями существованія небогатой части образованныхъ классовъ. Это желаніе вполне законно и совпадаетъ съ дѣйствительными интересами громаднаго большинства русскаго населенія, но оно не только не вытекаетъ изъ соціальныхъ воззрѣній, господствующихъ среди нашей интеллигенціи, а находится съ ними въ полнѣйшемъ противорѣчьи. Народническая интеллигенція твердо знала объ этомъ противорѣчьи и долго боролась, прежде чѣмъ отдалась своему неудержимому желанію конституции. Она знала (хотя теперь быть можетъ старается забыть это), что представительное правленіе не только не поможетъ „отстаивать Россію отъ капиталистическаго чуда“ и удерживать ее „на пути самобытнаго развитія“, а окажется наоборотъ „торжествомъ буржуазіи“. Этой „торжествующей“ буржуазіи уже не придется, правда, „лишать народъ его хозяйственной самостоятельности“, — о такомъ лишеніи слишкомъ усердно поза-

*) Въ романѣ „На ущербѣ“, — г. Боборыкина.

ботилось и продолжает заботиться самодержавное правительство при помощи не „торжествующихъ“ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ. Русскій парламентъ можетъ оказать и, навѣрное, окажетъ крестьянству громадную услугу, уравнивши его гражданскія права и лежащія на немъ податныя тягости съ правами и тягостями другихъ сословій, но никто не ждетъ отъ него, конечно, возстановленія утраченной хозяйственной самостоятельности большинства крестьянскаго населенія. Откуда же могутъ ждать народники улучшенія въ положеніи *прикрѣпленнаго* крестьянина? Отъ дѣйствія отвлеченнаго „прогресса“? Но 30 лѣтъ конкретнаго регресса крестьянскаго хозяйства отнимаютъ у народниковъ всякое право прилагать эту отвлеченную фикцію по крайней мѣрѣ къ данному явленію.

Въ № 209 „Русскихъ Вѣдомостей“ нынѣшняго года г. Михайловскій говоритъ о печальномъ положеніи современнаго русскаго читателя, не просто пробѣгающаго кое что отъ скуки, а приступающаго къ чтенію „съ цѣлями просвѣщенія своего ума и сердца“. Затруднительность его положенія г. Михайловскій видитъ въ безпашности реакціонной прессы и въ той особаго рода „широтѣ мысли“, характерной представительницей которой служитъ „Недѣля“. Эту „въ общемъ почтенную газету время отъ времени точно муха какая-то укуситъ: „новое слово“ ей хочется сказать..“ а слова по большей части выходятъ пустыя, а иногда и вовсе не новыя, давно заѣзжанныя реакціонной прессой. Мы также думаемъ, что очень печально положеніе русскаго читателя, молодаго въ особенности, ищущаго просвѣщенія и ищущаго его не ради украшенія своей особы, а ради выработки убѣжденій, являющихся для него серьезнымъ, жизненнымъ вопросомъ, опредѣляющимъ его будущую дѣятельность. Но намъ кажется, что главная бѣда такого читателя лежитъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ видитъ ее г. Михайловскій. Плохія качества реакціонной прессы могутъ огорчить читателя лишь въ томъ случаѣ, если, обладая тонкимъ вкусомъ, онъ въ тоже время склоняется на сторону реакціи, а насъ, да и г. Михайловскаго тоже, больше интересуетъ оппозиціонно-настроенный юноша. Можетъ, конечно, разсердить такого юношу новое словечко „Недѣля“ „о кругломъ эстетическомъ невѣжествѣ“ Добролюбова и „неинтересности“ его „взрѣлыхъ мыслей“. Но разсердить — и только, а въ лучшемъ случаѣ можетъ вызвать въ немъ желаніе перечитать Добролюбова. Вѣдь слыхалъ же онъ, что каковы бы тамъ ни были мысли Добролюбова, онѣ вызвали въ читателяхъ такой громадный интересъ. какого никогда не дождаться мыслямъ „Недѣль“.

Не въ томъ бѣда молодаго читателя, что „Недѣля“ говоритъ „новыя слова“, — ни помочь, ни помѣшать ему эти слова не въ состояніи, — а въ томъ бѣда его, что „старыя слова“, составлявшія единственную пищу ума и сердца оппозиціонной интеллигенціи, продолжаютъ раздаваться въ своемъ старомъ, неизмѣнномъ видѣ, хотя жизнь давно вложила новый, жестокій смыслъ, въ вытекающія изъ этихъ словъ основныя практическія требованія. Бѣда его въ томъ, что добрые люди и искренніе друзья народа (дѣйствительно и добрые, и искренніе: это-то и увеличиваетъ бѣду), проповѣдующіе при-

крѣпленіе крестьянъ къ землѣ и тѣмъ самымъ берущіе на себя нравственную отвѣтственность за всѣ лишнія тягости, вытекающія для народа изъ этого прикрѣпленія, не только не могутъ указать своимъ послѣдователямъ никакой общественной дѣятельности, ведущей къ облегченію крестьянскихъ тягостей, но не могутъ указать даже въ будущемъ никакой опредѣленной надежды на такое облегченіе. Печально положеніе „небездушнаго“ русскаго читателя потому, что вложенное въ него самой жизнью политическое настроеніе и политическія требованія находятся въ полнѣйшемъ противорѣчьи съ соціальной программой, до сихъ поръ отстаиваемой почти всей оппозиціонной прессой.

Честные люди не идутъ на государственную службу, честные люди стыдятся служить самодержавному правительству, не разъ повторяетъ на разные лады г-жа Цебрикова въ своихъ заграничныхъ брошюрахъ. Честный народникъ Кустаревъ въ романѣ г. Боборыкина, поколебавшійся было: не поступить ли ему на государственную службу, чтобы не жить для одного „огражденія своего либеральнаго обличія“, съ отвращеніемъ говоритъ потомъ, устыдившись этого колебанія, что „чуть-чуть одну ногу не завязилъ“. И эти же честные люди, такъ брезгливо, съ такимъ недоверіемъ относящіеся къ правительству, вынуждены своей теоріей, разъ дѣло касается народа, вдругъ проникаться безграничнымъ доверіемъ къ тому же правительству и требовать, чтобы оно держало не въ политической только, а въ гражданской, въ крѣпостной отъ себя зависимости любимыхъ ими крестьянъ. Научившись, наконецъ, желать для себя не *доброты* самодержавнаго правительства, а ограниченія самодержавія, *гарантій* отъ его произвола, они вынуждены, разъ дѣло идетъ о самыхъ существенныхъ интересахъ крестьянъ, требовать для нихъ увѣковѣченія произвола въ обложеніи, отказываться за нихъ отъ всякихъ гарантій — невозможныхъ при прикрѣпленіи — и заключающихся при свободѣ землевладѣнія въ простой экономической невозможности взять съ земли больше извѣстнаго, умѣреннаго процента ея доходности.

Да, тяжело положеніе честныхъ, впечатлительныхъ юношей, которымъ приходится теперь вырабатывать свои убѣжденія и выбирать программу дѣятельности. Пожилымъ людямъ все таки легче: они повторяютъ отжившіе формулы, бывшія живыми и увлекательными идеями, когда они впервые встрѣтились съ ними въ молодости. Идеи старились и умирали такъ постепенно, что носители этихъ идей могли и не замѣтить ихъ одряхлѣнія. Въ иномъ положеніи находятся юноши конца восьмидесятыхъ годовъ, впервые ознакомившіеся съ нашей „самобытной“ программой во всей ея современной безнадежности, жестокости и противорѣчивости. Они не могутъ полюбить этой программы и съ горячимъ убѣжденіемъ развивать связанная съ ней идеи: „творить впередъ“, какъ выражается критикъ „Русской Мысли“. Но имъ трудно, очень трудно и круто порвать съ этими идеями и найти себѣ новую программу, новое міросозерцаіе. Они прикрѣплены, какъ крестьяне къ землѣ, къ нашимъ самобытнымъ теоріямъ. Эти теоріи такъ долго господствовали надъ умами русской интеллигенціи, что проникли во всѣ изгибы ея умственнаго склада, отражаются на всѣхъ

ей взглядахъ, затуманивають ея глаза и окрашивают ея сужденіи о самыхъ отдаленныхъ предметахъ, не имѣющихъ, повидимому, ничего общаго съ „самобытными путями“ русскаго развитія.

Въ качествѣ общественной теоріи, объединявшей и направлявшей когда-то движеніе нашей оппозиціонной интеллигенціи, народничество умерло окончательно и безповоротно. Но *le mort saisit le vif*. Оно мѣшаетъ и будетъ еще мѣшать развитію новыхъ теорій, новой программы, новаго движенія, открывая тѣмъ самымъ полный просторъ людямъ, живущимъ въ мирѣ съ нашей дѣйствительностью и не нуждающимся, поэтому, ни въ какомъ объединяющемъ ученіи, ни въ какой программѣ, ни въ какомъ движеніи, ни въ старомъ, ни въ новомъ.

Но если трудно ожидать появленія новыхъ защитниковъ либеральнаго, оппозиціоннаго народничества, такіе защитники появляются и, вѣроятно, будутъ появляться въ ближайшемъ будущемъ у реакціоннаго, болѣе послѣдовательнаго и свободнаго отъ противорѣчій, народничества.

III

Не знаемъ, многіе-ли изъ читателей обратили вниманіе на статью г. Побѣдоносцева *) заключающую, такъ сказать, обоснованіе реакціоннаго народничества, и предвѣщавшую новое (теперь рѣшенное, по сообщенію С. П. Вѣдомостей) насиліе надъ крестьянами. Надо думать чторецензентъ „Русской Мысли“, прочелъ ее очень невнимательно: иначе онъ не сталъ бы поддразнивать ея „нашихъ охранителей“ и увѣрять, что „рѣчи“ оберпрокурора св. синода „должны были произвести“ на нихъ „непріятное впечатлѣніе“. **) На него самого онъ видимо произвели самое пріятное впечатлѣніе. Съ одной стороны это пріятное впечатлѣніе совершенно понятно: тѣ страницы (66-69), гдѣ говорится о грозящей Россіи „опасности“ и о необходимости предотвратить ее посредствомъ отмѣны 165 ст. Полож. о выкупѣ, которою пользовались „почти исключительно самые неимущіе домохозяева“, выкупая надѣлы на деньги скупщиковъ; съ тѣмъ что бы перепродать ихъ скупщикамъ, не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что не было бы множество разъ высказано въ нашихъ оппозиціонныхъ журналахъ. Реакціонный авторъ даже на земства ссылается: они, молъ, давно уже заявляютъ ходатайства объ отмѣнѣ упомянутой статьи. Читая эти страницы, любой либеральный народникъ могъ почувствовать себя совершенно дома: въ „Русской Мысли“ или въ „Вѣстникѣ Европы“.

За то въ общихъ историческихъ взглядахъ, предпосланныхъ реакціоннымъ авторомъ своимъ практическимъ требованіямъ, встрѣчаются очень интересныя, но едва-ли пріятныя либеральнымъ народникамъ мысли и сближенія.

*) „Семейные участки“, „Русскій Вѣстникъ“, Сентябрь 1889 года.

**) „Русская Мысль“ Ноябрь 1889 г.

„Для государства въ высшей степени важно, говорить г. Побѣдоносцевъ, существованіе и умноженіе благоустроенныхъ семейныхъ союзовъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе связанныхъ съ хозяйственно устроенной земельной дачей“. Недурны для него и очень крупныя дачи, какъ показываетъ ссылка на Англію; еще лучше мелкія: „крестьянское сословіе составляетъ главную охранительную силу въ государствѣ“. Важно, вообще, чтобы возможно большее число семей было такъ или иначе „изъ поколѣнія въ поколѣніе“ привязано къ землѣ. Для такого привязыванія существуетъ нѣсколько способовъ.

„1) Устройство сельской общины. *) Община всѣхъ своихъ членовъ снабжаетъ землю и всѣмъ запрещаетъ ея отчужденіе. Ей принадлежитъ собственность; каждому члену ея — пользованіе.

„2) Устройство *феодалное* Собственность принадлежитъ высшему владѣющему классу, который низшему классу служитъ тѣмъ же, чѣмъ община — каждому изъ своихъ членовъ.“ Оно также обезпечиваетъ за крестьяниномъ пользованіе землею безъ права ея отчужденія и точно также, прибавимъ отъ себя, какъ и наше самобытное устройство, лишаетъ крестьянина права отдѣливаться отъ „пользованія“ своимъ участкомъ, хотя бы лежащія на землѣ поборы дѣлали его „постылымъ“. Совершенно также феодальное устройство дозволяетъ увеличивать эти поборы до размѣровъ, немислимыхъ при свободѣ землевладѣнія. Наконецъ, оно также лишаетъ крестьянина его гражданской полноправности и дозволяетъ подвергать его унижительнымъ наказаніямъ за неисправное выполненіе насильственно наложенныхъ на него непосильныхъ обязанностей.

Упомянувъ далѣе, въ качествѣ третьяго способа обезпечивать устойчивость поземельнаго владѣнія, китайскій законъ VII столѣтія, г. Побѣдоносцевъ переходитъ къ четвертому способу, входящему въ употребленіе „въ новѣйшее время подъ началомъ *гражданской свободы*“. При этомъ способѣ владѣлецъ земля, не лишаясь свободы продать или завѣщать свой участокъ, получаетъ право формально объявить его неотвѣтственнымъ за долги и запретить раздѣлъ его послѣ своей смерти.

Этотъ послѣдній, не противорѣчающій „началамъ гражданской свободы“, способъ обезпеченія устойчивости землевладѣнія авторъ рекомендуетъ русскому дворянству, причемъ редакція добавляетъ отъ себя, что „заповѣдныя“, помѣстья должны имѣть размѣры достаточныя „для освобожденія дворянскаго дома отъ угнетающихъ жизнь мелочныхъ заботъ о насущномъ существованіи“. Комбинація двухъ первыхъ *несовмѣстимыхъ съ гражданской свободой* „способовъ“ (причемъ роль феодала играетъ самодержавное правительство) остается на долю русскаго крестьянства. Относительно его нѣтъ и рѣчи объ обезпеченіи, не то что отъ „заботъ“, а хотя бы отъ голода. Для „самыхъ неимущихъ домохозяевъ“ требуется лишь обезпеченіе отъ возможности пріобрѣтать „гражданскую свободу“ посредствомъ продажи надѣловъ. Сходясь, — какъ въ этомъ требованіи, такъ и въ своемъ отношеніи къ капитализму и пролетаріату, къ городамъ и фаб-

*) „Семейные Участки“. Побѣд. „Р. Вѣст.“ Сент. стр. 58.

ричной промышленности — съ либеральными народниками, логичный народникъ-реакціонеръ совершенно расходится съ ними въ оцѣнкѣ порядковъ, господствовавшихъ въ до-революціонной Европѣ. Онъ принципиальный противникъ „начала“ равенства и свободы, какъ гражданской, такъ и политической, какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ. У него нѣтъ двухъ мѣрокъ для однородныхъ явленій. Феодализмъ, являющийся чуть не ругательнымъ словомъ для народника-либерала, приводитъ его въ положительное умиленіе. Все шло прекрасно въ Европѣ, пока не „овладѣло умами“ „отвлеченное начало равенства“. „Во Франціи до революціи поземельная собственность охранялась и закономъ, и обычнымъ правомъ, и экономическимъ бытомъ того времени... Узы феодальныхъ порядковъ задерживали крестьянскую землю въ обращеніи лишь между крестьянами. Революція новыми своими законами разорвала прежнюю связь землевладѣльца съ землею...“ Деревенское населеніе уменьшилось, городское увеличилось, восторжествовали „отвлеченныя начала“ равенства и свободы, и все это имѣло самыя скверныя (для французскихъ реакціонеровъ) послѣдствія.

Въ Россіи „узы“ не были разорваны при „освобожденіи“ крестьянъ, а лишь надорваны 165 ст. Положенія. Стоптъ уничтожить эту лазейку, да обезпечить за дворянскими семьями заповѣдныя имѣнія, — и все будетъ спасено. Легко-ли въ этихъ „узахъ“ крестьянамъ, это не имѣетъ большой важности съ точки зрѣнія принципиальнаго сторонника несвободы и неравенства. Пусть крестьянинъ благоденствуетъ, если можетъ,—это очень хорошо, но не въ этомъ его специальное назначеніе. Оно заключается въ его „охранительныхъ“ свойствахъ, въ той политической неподвижности, которую надѣется придать Россіи одинъ изъ главныхъ столповъ нашей реакціи посредствомъ привилегій дворянству и порабощенія крестьянства. Бѣдствія связаннаго феодальными узами французскаго крестьянина передъ революціей, по всеобщему свидѣтельству, почти равнялись бѣдствіямъ современнаго русскаго крестьянина. Но г. Побѣдоносцевъ даже не упоминаетъ объ этомъ слишкомъ хорошо засвидѣтельствованномъ фактѣ. Сельское населеніе Франціи девятнадцатаго вѣка сравнительно благоденствуетъ, но не составляетъ достаточной „охранительной силы“, не могло помѣшать установленію во Франціи „новѣйшей демократіи“, не увеличивается въ числѣ, а растетъ, наоборотъ, городское населеніе, пользующееся заслуженной ненавистью каждаго реакціонера; поэтому законы революціи относительно землевладѣнія оказываются въ глазахъ г. Побѣдоносцева „разрушительными и въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніи“. Голодай, живи какъ звѣрь, питайся корой, какъ французскій крестьянинъ подъ „феодальными узами“, или мякиной, какъ современный русскій крестьянинъ, но составляй „охранительную силу въ государствѣ“. Только это и нужно.

Г. Побѣдоносцевъ черезъ чуръ увлекается, конечно, своими „отвлеченными началами“. Лишеніе крестьянъ „гражданской свободы“, и примѣненіе къ нимъ „начала“ неравенства сравнительно съ другими сословіями не спасутъ русскаго самодержавія. Господство реакціонныхъ „началъ“ не мѣшаетъ у насъ даже тому явленію, кото-

рое г. Побѣдоносцевъ приписываетъ лишь новѣйшимъ демократіямъ. И у насъ сельское населеніе „бѣжитъ изъ деревни въ городъ, гдѣ увеличиваетъ массу бездомныхъ пролетаріевъ“. Этому не помѣшаетъ и закрѣпленіе „узъ“ уничтоженіемъ 165 статьи; вѣдь уходятъ въ города и не продавши надѣловъ. И у насъ крестьянское населеніе не уменьшается только на бумагѣ. Бѣда реакціонеровъ въ томъ, что „узъ“ не останавливаютъ промышленнаго развитія страны, не устраняютъ его вліянія на связанную ими часть населенія, а лишь стѣсняютъ и извращаютъ это развитіе, осложняя его при этомъ безчисленными страданіями для всѣхъ, бьющихся въ „узахъ“. Но развитіе идетъ таки впередъ, и такъ или иначе разрываетъ „узъ“, и гражданскій, и политическій: разорвало ихъ во Франціи, — несомнѣнно разорветъ и въ Россіи.

Реакціонное народничество сильно ошибается, но въ противоположность либеральному народничеству остается логичнымъ и послѣдовательнымъ въ своихъ ошибкахъ. Народники-реакціонеры не требуютъ, подобно либеральнымъ народникамъ, одновременно свободы и неволи, равенства и неравенства, благосостоянія крестьянъ, уваженія къ нимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такихъ учреждений, которыя даютъ деспотическому правительству полнѣйшую возможность высѣкать изъ „уважаемыхъ“ крестьянъ какія угодно подати. Не требуютъ они и политической свободы, отстаивая гражданскую неволю. Поборники деспотизма увлекаются, возлагая на „узъ“ неосновательныя надежды относительно будущаго; но въ настоящемъ „узъ“ представляютъ безъ сомнѣнія не малыя удобства для защищаемаго реакціонерами „начала“. При свободѣ крестьянскаго землевладѣнія пришлось бы обложить дворянскія земли налогомъ наравнѣ съ крестьянскими. Такая мѣра не замедлила бы вызвать въ почтенномъ дворянскомъ сословіи новый взрывъ либерализма и конституціонныхъ пожеланій. А это очень невыгодно для „начала“ г. Побѣдоносцева. Наоборотъ, заботливое охраненіе благодѣтельныхъ „узъ“ даетъ полную возможность подогрѣвать вѣрнопопандническія чувства дворянъ подарками изъ государственнаго казначейства, пополняемаго на счетъ терпѣливаго крестьянства. Къ тому же при свободѣ землевладѣнія всякое превышеніе нормальныхъ размѣровъ обложенія немедленно дало бы себя почувствовать путемъ постоянныхъ недоборовъ, противъ которыхъ можно было бы бороться только посредствомъ продажи принадлежащихъ недоимщикамъ земель. А это опять таки повело бы къ сильнымъ неудовольствіямъ и вообще къ неустойчивости народнаго хозяйства. Теперь же, благодаря „узамъ“, спасительная и дешевая розга безъ хлопотъ улаживаетъ всѣ наши финансовыя затрудненія. Отъ нея, конечно, не легко приходится крестьянину. Но...

Не бѣда, что потерпѣтъ мужикъ,

Такъ ведущее насъ провидѣніе

Указало, да онъ же привыкъ. . . .

Народникъ - реакціонеръ отстаиваетъ прикрѣпленіе крестьянъ ради охраненія нашего реального, существующаго въ дѣйствительности, деревенскаго строя. Для его цѣли, — продленія самодержавія, —

строй этотъ и такъ не дурень. онъ и такъ облегчаетъ задачи правительства. Для народника - либерала и демократа крестьянинъ не можетъ служить средствомъ для постороннихъ цѣлей, да и цѣли гг. охранителей не представляютъ для него ничего привлекательнаго. Народникъ - реакціонеръ отлично знаетъ чего хочетъ, и дѣйствуетъ цѣлесообразно. Либеральный народникъ самъ не знаетъ, чего желаетъ, ибо желаетъ двухъ одна другую исключаящихъ вещей, причемъ народничество мѣшаетъ ему быть логичнымъ либераломъ, а либерализмъ — логичнымъ народникомъ.

Отъ всей души желая реакціонному народничеству возможно быстраго крушенія всѣхъ его плановъ, всѣхъ любезныхъ ему учреждений, мы, въ ожиданіи этого крушенія, желаемъ ему и нѣкоторыхъ успѣховъ, а именно: литературныхъ успѣховъ. Мы желали - бы, чтобы народники - реакціонеры какъ можно больше писали, а народники либералы какъ можно прилежнѣе читали ихъ произведенія. Встрѣчая свою собственную программу подъ крѣпкимъ реакціоннымъ соусомъ, вмѣсто обычнаго либерально - благожелательнаго, они волей неволей осмѣлятся, наконецъ, отнестись къ ней критически. А разъ начавшаяся работа мысли въ конецъ разрушитъ народническое міросозерцаніе, и можетъ быть приведетъ ихъ къ инымъ взглядамъ, дающимъ возможность плодотворной работы.

IV

Кромѣ отставанія своей общей соціальной программы, кромѣ словесной борьбы за охраненіе Россіи отъ капитализма, буржуазіи и пролетаріата, у нашей оппозиціонной литературы есть и другая сторона, особенно выдвинувшаяся за послѣдніе годы: проповѣдь индивидуальнаго, личнаго служенія народу на различныхъ поприщахъ непосредственно полезной практической дѣятельности. Этому служенію литература начала придавать все большее и большее значеніе, по мѣрѣ того какъ исчезала постепенно ея способность „освѣщать совокупность прогрессивнаго движенія“ и „всматриваться въ свѣтящіяся точки, мерцающія въ перспективахъ будущаго.“ Въ этой области она чувствовала себя въ полной безопасности. Что бы ни скрывалось въ перспективахъ будущаго, какъ бы ни были печальны выводы статистики, — все это ни мало не вліяетъ на полезность медицинской помощи, сельскихъ школъ и проч. Вмѣсто того, чтобы вѣчно „плавать надъ цифрами“ (выраженіе Г. И. Успенскаго) интеллигенція должна посвятить свои силы удовлетворенію текущихъ нуждъ настоящей минуты. Такъ говорятъ люди стараго настроенія, но индифферентизмъ новаго поколѣнія вытѣсняетъ старую „идейность“ также и изъ этой области. Даже здѣсь - то именно ея положеніе и оказывается всего слабѣе. Дѣло въ томъ, что „восьмидесятники“ не только не отрицаютъ необходимости практической дѣятельности интеллигентовъ на поль-

зу деревни, а, наоборотъ, только ее и признають, усиленно подчеркивая свою практичность и дѣловитость въ противоположность непрактичному идеальничанію отцовъ. Они ставятъ „свое время“ въ примѣръ всякимъ прочимъ непрактичнымъ временамъ за то именно, что, теперь и школь, и больницъ, и хорошихъ дорогъ гораздо больше чѣмъ въ шестидесятыхъ годахъ, и всѣ земскіе рукомошники лудятся чище, чѣмъ въ семидесятыхъ. Разногласіе съ людьми стараго настроенія сводится, такимъ образомъ, лишь къ тому, что эти послѣдніе требуютъ отъ учителей, докторовъ, агрономовъ и вообще отъ интеллигентныхъ дѣятелей, чтобы они смотрѣли на свою дѣятельность какъ на сподвижничество и служеніе. предавались ей съ энтузіазмомъ и увлеченіемъ, руководились любовью къ людямъ и идеей общественнаго блага, не внося въ свое дѣло принижающей, идеи купли и продажи“. Практичные „восьмидесятники“ собираются, наоборотъ, дѣйствовать на тѣхъ же, рекомендуемыхъ литературой поприщахъ, безъ всякихъ „подвиговъ“, безъ „энтузіазма“ и всего прочаго. Для нихъ такая дѣятельность не „служеніе“, а служба, должность, полезная работа, отлично уживающаяся съ „идеей купли-продажи“ и противопоставляемая всякаго рода „порывамъ“ и „идеаламъ“.

При такой постановкѣ вопроса, когда споръ идетъ не о томъ, что слѣдуетъ дѣлать, а о томъ, въ какомъ настроеніи должны находиться дѣятели, положеніе защитниковъ стараго настроенія оказывается чрезвычайно затруднительнымъ. Очеркъ г. Шелгунова *), направленный противъ распространяющагося въ печати мнѣнія, что простая дѣла, „надо дѣлать просто, не напуская на себя ни миссіонерства, ни подвижничества,“ и трудъ доктора, наиримѣръ, слѣдуетъ оплачивать какъ всякій обыкновенный трудъ, заставилъ даже одного толстовца пригласить г. Шелгунова перейти въ его вѣру, захвативши кстати и г. Михайловскаго со г. Скабичевскимъ. „Желанія ваши прелестны и я ихъ раздѣляю отъ всей души и чистаго сердца, пишетъ толстовецъ. **) Зачѣмъ, спорить о словахъ, когда сущность одна и таже? “ И дѣйствительно, въ прельстившемъ толстовца очеркѣ все сводится главнымъ образомъ къ той „любви“, которая играетъ такую громадную роль и въ ученіи графа Толстаго. Всѣ мы добры говоритъ г. Шелгуновъ, „мы хотимъ любить и хотимъ, чтобы насъ любили. Другой и нѣтъ нравственности. А что эта нравственность не трудна, мы тоже это знаемъ на своихъ повседневныхъ, ну, хотя бы домашнихъ, отношеніяхъ“. Трудъ доктора не такъ простъ, какъ трудъ печника, говоритъ дальше г. Шелгуновъ, „чтобы и печку сложить хорошо, нужно любить печное дѣло (печникъ возразилъ бы вѣроятно, что ежели при умѣнн, да за хорошую плату, то можно сложить отличную печку и безъ всякой любви, но толстовецъ долженъ былъ отъ „чистаго сердца“ согласиться съ г. Шелгуновымъ). Никакого дѣла нельзя дѣлать безъ любви къ нему; въ человѣческихъ отношеніяхъ безъ любви къ людямъ и ровно ничего нельзя дѣлать.

*) Мартъ „Русской Мысли“ 1890 г.

**) Письмо приведено въ „Очеркахъ русской жизни“ г. Шелгунова. Августъ „Русск. Мысли“ 1890 г.

Внѣ любви къ людямъ нельзя найти ни нравственнаго удовлетворенія, ни душевнаго спокойствія и довольства, И потому - то печать, подставляющая, вмѣсто идеи общественнаго и личнаго доброжелательства, идею купли и продажи едва - ли оказываетъ обществу, въ особенности растущей его части, нравственно - просвѣтительную услугу“.

Ну какъ было толстовцу не воскликнуть: „бросьте свои постыдныя препрательства и протяните руку“? Но что могъ вынести изъ очерка г. Шелгунова обыкновенный, не „просвѣтленный“ графскимъ ученіемъ членъ подроставшей части общества? Ему говорятъ, что ровно ничего нельзя дѣлать, не полюбивши людей той самой любовью, которою онъ любитъ своихъ домашнихъ. Но, во первыхъ, какъ это сдѣлать? Любовь въ простомъ, не переносномъ, смыслѣ слова — чувство совершенно произвольное, не поддающееся никакимъ разсужденіямъ и тутъ безъ божьей благодати (а слѣдовательно и безъ Толстого) ничего не подѣлаешь. А во вторыхъ, читатель не можетъ не знать, въ какомъ непримиримомъ антагонизмѣ находятся „служеніе“ интересамъ своихъ „домашнихъ“ со всякимъ инымъ, слишкомъ усерднымъ и безкорыстнымъ служеніемъ, и въ какія роковыя приходятъ они столкновенія. Правда, рѣчь идетъ о докторской и иныхъ подобныхъ же, безобидныхъ профессіяхъ, допускающихъ разнообразныя комбинаціи этихъ двухъ родовъ „служенія.“ Но, ужъ изъ однихъ повѣстей нашихъ оппозиціонныхъ журналовъ читатель, навѣрное, знаетъ, что и въ этихъ мирныхъ профессіяхъ излишнее доброжелательство къ постороннимъ (къ даровымъ пациентамъ, напр.), при немѣннѣи наслѣдственныхъ капиталовъ, очень часто вступаетъ въ борьбу съ семейной любовью и дѣйствуетъ на нее самымъ разрушительнымъ образомъ. А вѣдь въ этой - то личной любви, „накапливающейся,“ по увѣренію г. Шелгунова, въ домашнемъ быту и затѣмъ уже распространяющейся на постороннихъ, и заключается вся нравственность? Не выпутаешься изъ этого противорѣчія безъ графа Толстаго съ его извѣстной домашней *практикой* „непротивленія злу насиліемъ.“ Обыкновенный читатель, остановившійся, по словамъ г. Шелгунова, въ недоумѣніи передъ идеей „любви и доброжелательства,“ такъ и остается въ этомъ недоумѣніи. Едва - ли помогутъ ему и приводимые г. Шелгуновымъ примѣры „идеальныхъ людей, подвижниковъ общественнаго труда и общественнаго служенія,“ добрыхъ докторовъ, интеллигентовъ, „сидившихъ на землѣ,“ людей отдававшихъ свои силы народному образованію и въ особенности примѣръ нѣкоего г. У., „піонера культурнаго земледѣлія“ въ Приамурскомъ краѣ. Этотъ г. У. пробылъ нѣсколько лѣтъ сельскимъ учителемъ въ русской деревнѣ, перешелъ потомъ къ изученію сельскаго хозяйства и уѣхалъ хозяйничать на Амуръ, получивъ для этого отъ генераль губернатора 100 десятинъ земли, а отъ военнаго губернатора Амурской области 600 рублей на обзаведеніе. Такой примѣръ можетъ, пожалуй, вмѣсто разрушенія недоумѣній восьмидесятниковъ ввергнуть въ подобное же недоумѣніе иныхъ не слишкомъ твердыхъ толстовцевъ. Какъ понимать одобренный начальствомъ подвигъ г. У? И гдѣ въ немъ „любовь“? Возлюбилъ - ли онъ, сидя учителемъ въ русской деревнѣ, Тунгусовъ

Приамурскаго края, которыхъ и приходится-то въ добавокъ всего по одному на 17 слишкомъ квадратныхъ километровъ? А если возлюбилъ онъ не Тунгусовъ, а просто на просто „культурное земледѣліе,“ то вѣдь подобная любовь какъ разъ въ духѣ практичныхъ „восьмидесятниковъ.“ Почему же г. Шелгуновъ съ торжествомъ указываетъ имъ, для ихъ вящаго обличенія, на подвигъ г. У.? Или этотъ піонеръ любитъ культурное земледѣліе какой нибудь особенной любовью, на которую не способны „восьмидесятники“? Можетъ быть, но пока мы ничего не слышали о свойствахъ любви г. У., кромѣ того, что она принесла ему одобреніе начальства и денежный авансъ въ размѣрѣ 600 руб. кредитными билетами. Противъ подобнаго свойства этой любви, вѣроятно, ничего не имѣли бы и обличаемые г. Шелгуновымъ „восьмидесятники“. Вотъ въ шестидесятыхъ годахъ ехидные нигилисты навѣрное не удержались бы отъ нѣкоторыхъ замѣчаній по ея адресу: сказали бы наиримѣрь, что ласковый теленокъ двухъ матокъ сосеть или что нибудь подобное. И пожалуй, въ то время самъ г. Шелгуновъ (сотрудникъ Современника) согласился бы съ нигилистами.

Тотъ же вопросъ о горячемъ подвижничествѣ и хладнокровной практичности, только съ другой стороны и безъ всякой толстовщины, затрогиваетъ также г. Протопоповъ въ статьѣ, написанной по поводу романа г. Эртеля „Гарденины.“ *)

Въ этомъ романѣ молодая дѣвушка, Вѣра Турчанинова, поступившая въ сельскіи учительницы „съ идеальными стремленіями съ желаніемъ послужить общему благу,“ съ готовностью „отдать“ крестьянину „все, все,“ „посвящать ему безраздѣльно знанія, мысли, чувства,“ ушла впоследствии изъ деревни, съ горькимъ сознаніемъ, что ей нечего тамъ дѣлать, что „жизнь осмѣяла ея расчеты“, что крестьянинъ не таковъ, какимъ она воображала его, что въ немъ много „подлости, лжи, притворства.“ что „нѣтъ эгоиста, безсердечіе мужика.“

Г. Протопоповъ относится очень строго къ этой шедшей „съ беззавѣтнымъ увлеченіемъ,“ но не выдержавшей деревни дѣвушкѣ. По его мнѣнію, ея разочарованіе есть лишь личная неудача легкомысленнаго человѣка, который, не рассчитавши своихъ силъ, взвалилъ на плечи непосильную тяжесть. Еще строже относится онъ къ другому герою того же романа, Николаю Рахменному, составляющему прямую противоположность съ Турчаниновой. Этотъ никакихъ тяжестей на свои плечи не взваливалъ, въ немъ никогда не было замѣтно ни „горячности къ планамъ,“ ни „беззавѣтнаго увлеченія.“ Тѣмъ не менѣе, онъ дѣйствуетъ, на пользу деревни, правда, ничѣмъ особеннымъ для этого не жертвуя, но никогда и не отказываясь сдѣлать для крестьянъ „что нибудь“ полезное, по скольку такое дѣло не вредитъ его интересамъ. Это типъ практичнаго, удовлетвореннаго „восьмидесятника.“ Онъ никогда не разочаруется. „Рахменный,“ говоритъ г. Протопоповъ, не способенъ сомнѣваться, онъ никогда не придетъ въ уныніе, потому что ищетъ утѣшенія и находитъ его въ первомъ „отрадномъ“ фактикѣ, въ какомъ-нибудь „свѣтломъ“ явленіи, ко-

*) „Тенденціозный романъ“. „Сѣверный Вѣстникъ“, Февраль 1890 г.

тому въ сущности грошъ цѣна, но которое для грошеваго чело-
вѣка — цѣлый владъ.“ Онъ и самъ признаетъ, что въ деревнѣ „избы-
токъ всякой гнусности чрезмѣрный. . . Нищета, пьянство, нравствен-
ное оскудѣніе,“ но все это заслоняется въ его глазахъ первымъ по-
павшимся „отраднымъ фактомъ“, грамотнымъ парнемъ, или исправ-
нымъ мужикомъ. „Двухъ съ половиною свѣтлыхъ явленій“ совершенно
достаточно для полнѣйшаго примиренія Рахменныхъ съ дѣйстви-
тельностью. „Оппортунисты мысли и оппортунисты жизни — они поч-
ти неуязвимы“. Въ ихъ „благоразуміи есть что - то невыразимо про-
тивное, что - то банальное до тошноты. . . “ сердится г. Протопоповъ,
и онъ, конечно, правъ, а все таки Рахменные „кое что“ дѣлаютъ въ
деревнѣ, а Турчанинова ушла. . У нея ,положимъ, были слабыя пле-
чи. За то у Ефрема, у Лизы Гардениной (революціонеры романа Эр-
теля) относительно личныхъ невзгодъ были крѣпкія плечи, но и
они, или вѣрнѣе, ихъ реальные прототипы - ушли изъ деревни, убѣ-
дившись, что она не соотвѣтствуетъ ихъ мечтѣ, и ушли никакъ не
для облегченія своихъ плечъ: ушли на поиски за новой тяжестью.
А Рахменные остаются и производятъ время отъ времени по парѣ
„свѣтлыхъ явленій“ : парня выучать, мужика вылѣчать, что нибудь
въ земствѣ выхлопочуть. Почему же это ? Г. Протопоповъ не зада-
ется такимъ вопросомъ. Онъ только сердится и на Рахменнаго, и на
Турчанинову, и на декабриста, говорящаго про народника Кустарева
(въ романѣ Боборыкина „На ущербѣ“) : „До сихъ поръ ни онъ, ни
другіе, подобные ему, не хотятъ понять, что простой народъ — про-
тивъ нихъ ; а они то его обсахариваютъ . . .“

„Будемъ продолжать „обсахаривать“ мужика, отвѣчаетъ на эти
слова г. Протопоповъ, не боясь ничьихъ насмѣшекъ. Насмѣшкамъ
этимъ — грошъ цѣна... Народъ не за насъ, но неужели сострадать
можно только тому, кто „за насъ?“ Неужели въ своихъ человѣчес-
кихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ нужно руководствоваться не со-
вѣстью и не чувствомъ справедливости, а временными партійными со-
ображеніями?“ Рѣчь прекрасная, но къ декабристу вовсе не отно-
сится. Изъ его словъ, что простой народъ (деревенскій, конечно, —
ушедшихъ въ города не „обсахаривали“ народники) не за народни-
ковъ, слѣдуетъ не тотъ выводъ, что народу нужно отказать за это въ
сочувствіи, а тотъ, что *народники безъ народа* не могутъ оказать ни-
какой помощи ни ему, ни себѣ, никому на свѣтѣ, и только самихъ
себя обманываютъ. Въ послѣднемъ декабристъ ошибается. Народники
давно помирились съ тѣмъ фактомъ, что „народъ не за нихъ“. по-
мирился съ этимъ и г. Протопоповъ. „Въ прогрессивномъ смыслѣ, го-
воритъ онъ, народъ сила только потенциальная... Но если не все
черезъ народъ, то все — для народа...“ Весь вопросъ теперь въ
томъ, какого рода это „все“, которое народники сдѣлаютъ для на-
рода помимо его содѣйствія. и какіе для этого „всего“ нужны
люди.

Если бы Вѣра Турчанинова шла въ деревню не на „подвигъ и
служеніе“, а просто на мѣсто и не задавалась никакими цѣлями,
кромѣ обученія ребятъ грамотѣ, то открывши, что реальный кре-
стьянинъ вовсе не похожъ на „обсахаренное“ существо, полное раз-

ныхъ (дедуктивно выведенныхъ изъ общиннаго землевладѣнія) добродѣтелей, она, вѣроятно, огорчилась бы своимъ открытiемъ, но оно не лишило бы ее возможности оставаться въ деревнѣ и продолжать свою педагогическую дѣятельность. Но она хотѣла гораздо большаго. У нея были кое-какіе принципы, состоявшіе изъ всевозможной доброты, любви и справедливости, которые—называя или не называя ихъ социализмомъ—она, навѣрное, считала чѣмъ-то въ родѣ новаго ученія, ведущаго къ общему счастью. Воображаемая свойства и идеалы воображаемаго крестьянина давали ей право падѣяться на плодотворную работу для приближенія этого счастья, и она несла на такую работу всѣ свои „помысли, чувства и знанія“. При такихъ цѣляхъ, при такомъ настроеніи, она не могла не прійти въ отчаяніе отъ своего открытiя, не могла и удовольствоваться однимъ „грамотнымъ парнемъ“, приводящимъ въ восторгъ Рахменнаго. Потому-то она и ушла изъ деревни, что у нея было много той „горячности“, которой не имѣлось у Рахменнаго.

Народникъ, помирившійся съ фактомъ, что „народъ не за насъ“, что онъ сила только „потенціальная“, черезъ посредство которой ничего нельзя сдѣлать, долженъ помириться также и съ полнѣйшей невозможностью работать надъ измѣненіемъ общихъ условій, порождающихъ въ деревнѣ „избытокъ нищеты и гнусности“; долженъ помириться съ тѣмъ, что „все“, чего онъ добьется „для народа“ своими единичными усиліями, не можетъ, ни въ какомъ случаѣ, превосходить тѣхъ самыхъ „двухъ съ половиною“ единичныхъ „свѣтлыхъ явленій“, надъ которыми иронизируетъ г. Протопоповъ: грамотнаго парня, вылѣченной бабы, разстроенной плутни какого нибудь Колупаева. Это все доброе, хорошее дѣло, но горячность и увлеченіе могутъ помѣшать его дѣлать, а качества Рахменнаго, наоборотъ, очень полезны для него. Заниматься этимъ дѣломъ цѣлые годы, цѣлую жизнь сможетъ только тотъ, кто, при видѣ кусочка пластыря на одной изъ безчисленныхъ ранъ, которыя въ громадномъ количествѣ, систематически и безостановочно наносятъ крестьянну историческая палка, тотчасъ же забываетъ и о ранахъ и о самой палкѣ. Люди „горячности“ и „беззавѣтнаго увлеченія“, въ глазахъ которыхъ единичный „отрадный фактъ“ безслѣдно пропадаетъ въ общей картинѣ страданій, не выдерживаютъ такого дѣла. Они неизбежно стремятся къ работѣ надъ устраненіемъ самой причины страданій, стремятся переломить палку. Потерявши надежду переломить ее вмѣстѣ съ крестьяниномъ—*черезъ народъ*, болѣе слабые изъ этихъ горячихъ людей приходятъ въ отчаяніе; люди сильные, какими были старые народники-революціонеры, бросаются на палку въ одиночку и погибаютъ, не нанося ей никакого вреда. Но назначеніе такихъ людей именно въ борьбѣ и ни въ чемъ иномъ. Лишь для этой борьбы въ нихъ вложена и горячность и беззавѣтное увлеченіе. Въ значительномъ количествѣ подобные люди и появляются въ исторіи лишь въ тѣ времена, когда она собирается уничтожить ту или иную изъ своихъ палокъ.

Какъ для филантропической дѣятельности, такъ и для исполненія тѣхъ или иныхъ полезныхъ должностей гораздо пригоднѣе Рах-

меньше, — люди, безъ горячности и увлеченія, ищущіе службы и „дѣловъ“, а не служенія и подвиговъ. Для людей „беззавѣтныхъ увлеченій“, нужна если не увѣренность, то хоть надежда, что ихъ дѣятельность подготовляетъ уничтоженіе общихъ условій, порождающихъ нищету и гнусность.

На самомъ дѣлѣ, какъ только наша оппозиціонная мысль перестала давать такую надежду, какъ только изъ круга идей интеллигенціи исчезло представленіе о переходѣ подъ ея вліяніемъ общины въ социализмъ и о борьбѣ вмѣстѣ съ народомъ за свободныя условія этого перехода, въ литературѣ — рядомъ съ проповѣдью личнаго „служенія“ въ деревнѣ — начали появляться различныя проэкты обманыванья исторіи. Исторія породила въ среднемъ русскомъ классѣ элементы беззавѣтныхъ увлеченій: безпокойную совѣсть и потребность борьбы. Ей требовалось все это, какъ одно изъ орудій для переломленія своей палки. Въ этомъ ей помогала и оппозиціонная литература, продолжая будить безпокойную совѣсть изображеніемъ народныхъ бѣдствій. Но тутъ же рядомъ немедленно предлагались рецепты притупленія вызваннаго возбужденія и усиленія проснувшейся совѣсти. Что, если не такіе рецепты, представляютъ толстовщина и всякіе проэкты земледѣльческихъ колоній изъ интеллигентныхъ людей? Вотъ какъ изображаешь такія колоніи Г. И. Успенскій въ цитированной *) уже статьѣ „Крестьянскія женщины“: „Поле, соха, а за нею идетъ пахарь. Достоинство этого пахаря заключается въ томъ, что онъ добываетъ хлѣбъ своими трудами, чужого не ѣстъ, чужимъ трудомъ не пользуется, — слѣдовательно, совѣсть у него спокойна, а въ этомъ-то самая суть и есть... Есть и еще школа, руководствующаяся въ желаніи идти въ деревню уже чисто практическими цѣлями: оградить свою впечатлительную душу отъ золь городской цивилизаціи, устроить себѣ уголь, гдѣ-бы мысль (о будущемъ, конечно) раб тала безъ стѣсненія и не ощущалась бы необходимость безплодной борьбы за идею, чего невозможно избѣжать въ городѣ“.

Здѣсь г. Успенскій видимо пронизываетъ надъ интеллигентными поселеніями, но и онъ присылалъ рецепты жизни „трудамъ рукъ своихъ“. При томъ же и въ этихъ поселеніяхъ онъ видитъ ошибку въ томъ, что въ нихъ не достигается широта размаховъ трудового обихода народной жизни. Въ особенности же узокъ трудовой обиходъ интеллигентной крестьянки: она и въ поселеніи только и дѣлаетъ, что дѣтей рождаетъ. Но и при предлагаемыхъ г. Успенскимъ улучшеніяхъ въ устройствѣ поселеній, имъ все же, если что нибудь и достигнется, то ничто иное, какъ облегченіе участи нѣсколькихъ интеллигентныхъ паръ, которымъ разстроило нервы противорѣчіе между „городской цивилизаціей“, вызывающей „ощущеніе необходимости борьбы“, и народнической теоріей, дѣлающей всякую борьбу безплодной.

Не естественно ли послѣ этого появленіе проповѣдниковъ полной безыдейности и примиренія съ дѣйствительностью, предлагаю-

*) Рус. Мысль. Апрель. 1896 годъ.

щихъ гигиеническія мѣры противъ заболѣванія „потребностью идейной борьбы“, вмѣсто рецептовъ для ея излеченія?

Безнадежная русская идеяность, не могущая ничего предложить своимъ послѣдователямъ, кромѣ филантропической дѣятельности или благочестивыхъ земледѣльческихъ упражненій, очевидно, нуждается въ обновленіи. Это чувствуютъ почти всѣ, это слышится въ писаньяхъ самихъ народниковъ, при чемъ многіе посматриваютъ на Западъ: не найдется ли въ его жизни явленій, способныхъ возратить нашей литературѣ утраченную бодрость и энергію?

Мы упоминали уже объ обвиненіи, взведенномъ на Европу литературнымъ обозрѣвателемъ „Русской Мысли“: „Какъ ни тяжелы были, говоритъ онъ, условія 40-хъ гг. (не помѣшавшія появленію замѣчательныхъ произведеній русскаго слова), они были, такъ сказать, только мѣстнаго характера. Идеи не имѣютъ отчизны и, какъ электричество, невидимо передаются во всѣ мѣста, пробивая кору самой тщательной опеки и заставляя всѣ сердца горѣть надеждой и стремленіемъ къ зпждительной работѣ. Такимъ нравственнымъ стимуломъ для русской литературы 40-хъ гг. служило, какъ всѣмъ извѣстно, умственное и политическое броженіе Франціи, да и не одной Франціи. Но укажите теперь хоть одинъ уголокъ Европы, гдѣ бы ярко горѣлъ костеръ такого возбужденія, откуда уставшіе почерпали бы бодрость, а начинающіе — надежду. Напротивъ, отъ многихъ бывшихъ костровъ идетъ только удушливый чадъ и нигдѣ пока не открывается перспектива свѣжаго, обновляющаго воздуха.“ Невольно рождается вопросъ: съ какими уставшими и съ какими начинающими такъ жестоко поступаетъ современная Европа, и какая именно Европа?

Мы знаемъ, какое „броженіе“ заставляло „горѣть сердца“ нашихъ западниковъ 40-хъ годовъ. Послушаемъ, однако, Бѣлинскаго, самаго авторитетнаго изъ этихъ западниковъ. Въ критической (Отеч. Зап. 1844 г.) статьѣ о романѣ Сю: „Парижскія Тайны“ Бѣлинскій, охарактеризовавши умственное и нравственное паденіе французской буржуазіи и необезпеченное положеніе парижскаго пролетарія, говоритъ: „Но искры добра еще не погасли во Франціи... Народъ — дитя; но это дитя растетъ и общается съ взрослыми мужемъ, полнымъ силы и разума. Онъ уже не вѣритъ говорунамъ и фабрикантамъ законамъ и не станетъ больше проливать своей крови за слова, которыхъ значеніе для него темно, и за людей, которые любятъ его только тогда, когда имъ нужно загрести жаръ чужими руками, чтобы воспользоваться некупленнымъ тепломъ. Въ народѣ уже быстро развивается образованіе... Онъ еще слабъ, но опъ одинъ хранитъ въ себѣ огонь національной жизни и свѣжій энтузіазмъ убѣжденія, погасшій въ слояхъ „образованнаго“ (вносные знаки Бѣлинскаго) общества. Но и теперь еще у него есть истинные друзья: это люди, которые слепы съ его судьбой свои обѣты и надежды, и которые добровольно отреклись отъ всякаго участія на рынкѣ власти и денегъ.“

Мы видимъ, что въ главномъ кострѣ тогдашняго возбужденія, въ Парижѣ, Бѣлинскій находилъ *ободреніе* только въ „народѣ“ (рѣчь идетъ, конечно, о городскихъ рабочихъ: во французскомъ крестьянствѣ 40-хъ годовъ такъ же мало можно было подмѣтить огня и

энтузіазма убѣжденія, какъ и въ современномъ). Въ немъ одномъ, да въ немногихъ, слившихся съ нимъ, друзьяхъ видѣлъ онъ и „огонь“ и „энтузіазмъ убѣжденія, погасшій въ слояхъ образованнаго общества“. Въ этихъ слояхъ онъ съ тѣхъ поръ окончательно застылъ, но „народъ“, тогда еще „дѣтя“, выросъ и сдѣлался „мужемъ, полнымъ силы и разума“. Онъ вполне оправдалъ всѣ возлагавшіяся на него надежды. Парижскій народъ утратилъ, правда, свое первенствующее мѣсто во главѣ рабочаго движенія; но не потому же восхищался имъ Бѣлинскій, что онъ народъ парижскій, а потому, что въ немъ всего ярче горѣлъ тогда привлекавшій его огонь. Теперь этотъ огонь разлился по всему цивилизованному міру. Въ то время рабочій народъ былъ сознательной, разумной силой лишь въ своихъ самихъ развитыхъ слояхъ, едва насчитывавшихъ нѣсколько тысячъ на всю Европу; въ общемъ же онъ былъ тогда лишь легко воспламеняющейся „толпой“, увлекаемой время отъ времени „героями“ на арену исторіи, въ качествѣ какой-то стихійной силы. Теперь вмѣсто этой толпы существуютъ громадныя рабочія партіи со своимъ вполне выработаннымъ общественнымъ мнѣніемъ, единодушно дѣйствующія по опредѣленной, сознательно принятой программѣ, объединяясь постепенно въ единую многомилліонную рабочую партію всего цивилизованнаго міра.

Страннымъ кажется на первый взглядъ, почему наша демократическая „интеллигенція“, чувствуя потребность въ надеждѣ и ободреніи съ Запада, не находитъ этого ободренія въ быстромъ ростѣ и постоянно усиливающейся борьбѣ съ буржуазіей европейскаго пролетаріата, первые, еще дѣтскіе шаги, котораго такъ восхищали Бѣлинскаго и его друзей. Вѣдь она считаетъ борьбу съ буржуазіей своимъ призваніемъ . . . Правда, рабочее социалистическое движеніе 40-хъ гг., о которомъ пишетъ Бѣлинскій, больше говорило фантазіи, чѣмъ современное. Неизмѣримо больше и писалось, и говорилось тогда, и въ стихахъ, и въ прозѣ, хорошихъ волнующихъ словъ о геройствѣ, о подвигахъ и о самопожертвованіи. Объ этомъ заботилась сравнительно многочисленная въ то время богема-интеллигенція. Но мы не думаемъ, чтобы одно отсутствіе такого декоративнаго элемента, необходимаго для начинающагося движенія и излишняго для разившагося и окрѣпшаго, мѣшало нашей интеллигенціи понять строгую поэзію этой — по выраженію Либкнехта — „опирающейся на науку религіи рабочихъ массъ и всѣхъ угнетенныхъ“. Она слишкомъ громко говоритъ сама за себя, чтобы нуждаться въ подчеркиваньяхъ.

Наша интеллигенція считаетъ себя заклятымъ, прирожденнымъ врагомъ буржуазіи, и какъ это ни странно, а именно вражда-то къ буржуазіи и мѣшаетъ ей понять поэзію рабочаго движенія, принять живое, сердечное участіе въ борьбѣ непобѣдимаго противника западной буржуазіи. Этотъ противникъ ведетъ борьбу съ буржуазіей, такъ сказать, не съ того конца. Онъ борется съ ней, какъ съ представительницей и охранительницей господствующаго теперь экономическаго и политическаго строя, но ровно ничего не имѣетъ противъ ея разрушительной работы надъ остатками стараго, до-революціоннаго строя и быта. Эта сторона дѣятельности буржуазіи только

усиливаетъ пролетаріевъ. Наши же самобытные враги буржуазіи боятся не иного чего, какъ именно ея разрушительнаго вліянія на господствующій въ настоящую минуту экономической и гражданскій строй русской деревни, который кажется имъ достойнымъ охраненія. Они борются (словами, конечно) съ развитіемъ буржуазіи только потому, что съ нимъ неразрывно связано развитіе пролетаріата. Западнымъ врагамъ буржуазіи, рабочимъ, та „хозяйственная самостоятельность“ мелкаго крестьянина, кустаря, ремесленника, о сохраненіи которой мечтаетъ русская интеллигенція, показалась бы неизмѣримо хуже ихъ настоящаго положенія. Самы пролетаріи, они ничего такъ не желаютъ, какъ возможно быстраго развитія пролетаріата — единственной въ мірѣ силы, способной уничтожить и пролетаріатъ, и буржуазію.

Западные враги буржуазіи борются съ ней за будущее; наши мечтаютъ охранить отъ нея остатки прошедшаго. Поэтому-то, обращаясь къ Европѣ, они и на нее невольно смотрятъ сквозь свои консервативные очки и не могутъ уже находить надежды и ободренія въ тѣхъ явленіяхъ западной жизни, зачатки которыхъ вызывали эти чувства у Бѣлинскаго и его друзей, смотрѣвшихъ на Западъ съ точки зрѣнія самого революціоннаго Запада, не затуманивая себѣ глазъ никакой предвзятой самобытной теоріей. Для этихъ западниковъ европейская жизнь представляла совершенно самостоятельный интересъ. Они также свободно ориентировались среди ея разнообразныхъ партій и умственныхъ теченій, и также твердо и горячо становились на одну опредѣленную сторону, какъ и лучшіе изъ современныхъ имъ европейцевъ. Но именно этотъ-то живой, самостоятельный интересъ, который представляла для нихъ западная жизнь, и далъ имъ возможность сдѣлать такъ много для русскаго развитія, внести столько мысли и знанія во всѣ отрасли русской литературы.

Для нашей современной интеллигенціи западная жизнь, даже при близкомъ знакомствѣ съ тѣмъ или другимъ ея отдѣломъ, съ той или другой отраслью знанія, остается въ большинствѣ случаевъ совершенно постороннимъ вѣдомствомъ, во внутреннія дѣла котораго она не мѣшается, и кто тамъ правъ, кто виноватъ, особенно пристально не разбираетъ. Вообще, конечно, виноватъ капитализмъ, но мѣшаться въ частности не наше дѣло. Не мѣшаясь серьезно въ дѣла Запада, мы съ своей стороны не позволяемъ и Западу серьезно мѣшаться въ наши. Не для того знакомимся мы съ жизнью и мыслью западной Европы, чтобы выяснять свое міросозерцаніе и освѣщать для себя, при помощи вынесеннаго знанія, нашу русскую жизнь и наши собственныя задачи. Кому нужны такія вещи, тотъ получаетъ ихъ готовыми изъ русскихъ журналовъ. Мы возлагаемъ на Европу совсѣмъ инныя обязанности. Великая книга западной жизни необходима для насъ въ качествѣ сборника примѣровъ и иллюстрацій къ нашему собственному, заранѣе составленному, тексту; мы подыскиваемъ въ ней подходящія басни къ своей давно написанной морали. Съ этой цѣлью мы выхватываемъ изъ западной жизни то или другое явленіе, рассматриваемъ его внѣ всякой перспективы, безъ всякой связи съ остальными явленіями, и въ такомъ очищенномъ видѣ

легко приспособляемъ его къ задуманному поученію. Не много „ободренія“ можетъ дать подобная работа, не „загорится“, конечно, ни чье сердце отъ такихъ притянутыхъ за уши поученій. Но пхъ-то, главнымъ образомъ, и ищетъ на Западѣ наша народническая литература.

Вполнѣ подходящіе примѣры и поученія встрѣчаются, положимъ, довольно рѣдко; по большей части приходится довольствоваться лишь отдаленными намеками и сближеніями, но иногда попадаются за то такіе перлы, что лучше и не выдумаешь. Что можетъ быть лучше, на примѣръ, какъ найти въ самой Англійской народническую интеллигенцію, чтобы была совсѣмъ какъ наша : такая же добрая и занималась бы „подвижничествомъ“, но чтобы этой интеллигенціи все удавалось, чтобы никто ее не обижалъ, а всѣ ободряли. Цѣлительству былъ бы намекъ : вотъ, молю, какъ въ просвѣщенныхъ странахъ съ хорошими людьми обращаются, и какая отъ этого выходитъ польза; и самому народнику получилось бы ободреніе: дескать, подожди немного, отдохнешь и ты... Трудно казалось бы выудить изъ западной жизни подобный примѣръ, и однако же онъ оказался на лицо.

Тотъ же литературный обозрѣватель „Русской Мысли“, такъ горько жаловавшійся на Европу въ февральской книжкѣ журнала, въ мартовской находитъ уже тамъ нѣчто способное „вселить вѣру въ человѣческой прогрессъ даже въ закоренѣлаго пессимиста“. Разыскать это „свѣтлое явленіе“ помогла ему статья г. Янжула въ февральской книжкѣ „Вѣстника Европы“ : „Практическая филантропія въ Англій“, въ особенности же сообщеніе объ „университетскомъ поселеніи въ Восточной части Лондона.“

Въ этомъ благочестивомъ поселеніи гг. англійскіе студенты занимаются подъ руководствомъ викарія церкви св. Луки отца Барнетта и пастора Гардинера „поднятіемъ нравственности“ лондонскихъ бѣдняковъ посредствомъ развлеченій, лекцій, устройства различныхъ кооперативныхъ обществъ, а главнымъ образомъ, посредствомъ своего личнаго общенія. Они стремятся, по преимуществу, разсѣять очень сильное въ Англій „предубѣжденіе бѣдныхъ противъ богатыхъ“. Вѣковой опытъ доказалъ, что одна матерьяльная помощь не уменьшаетъ этого „предубѣжденія“, — необходимы личныя сношенія съ благодѣлительствуемыми бѣдняками. Поселившись среди бѣднѣйшаго квартала Лондона, въ парочно устроенномъ великолѣпномъ зданіи, господа студенты даютъ вечера своимъ нищимъ сосѣдямъ и занимаютъ гостей музыкой, а благотворительныя дамы поютъ имъ романсы.

Въ духѣ и по завѣту умершаго филантропа Тойнби, въ память котораго основано учрежденіе, члены университетскаго поселенія убѣждены, говоритъ г. Янжуль, что „разрѣшеніе социальнаго вопроса должно заключаться не въ переворотахъ, сопровождаемыхъ насиліемъ, а въ мирномъ, поступательномъ, реформаторскомъ движеніи *сверху внизъ*“. О благѣ низшихъ классовъ, заключающемся, главнымъ образомъ, въ ихъ нравственномъ усовершенствованіи, позаботятся сами высшіе классы. „Обратно съ тѣми утопистами, которые предполагаютъ устранить существующіе социальныя невзгоды *путемъ ломки*

учрежденій, оставивъ людей такими, какими они до сихъ поръ были.“ — студенты-филантропы „убѣждены, что всякая ломка составляетъ прежде всего зло . . . и что истинный ходъ великой реформы этого рода долженъ состоять отнюдь не въ приниженіи высшихъ классовъ до умственного и нравственного уровня низшихъ, . . . а совершенно наоборотъ. По ихъ мнѣнію, мирный, нормальный, а потому единственно желательный путь къ разрѣшенію всякаго соціального вопроса долженъ прежде всего выразиться въ стремленіи образованныхъ классовъ поднять до своей высоты бѣдную массу двумя путями: увеличеніемъ ея образования и культуры, и затѣмъ личнымъ примѣромъ искренней, безкорыстной человѣческой симпатіи, доказываемой на дѣлѣ улучшеніемъ и поднятіемъ уровня ея нравственности.“

Видите, какъ все это будетъ просто : родители будутъ эксплуатировать рабочихъ, а сынки, получая отъ нихъ приличное содержаніе, будутъ поднимать нравственный уровень этихъ рабочихъ „личнымъ примѣромъ *безкорыстной* симпатіи“. Лишь бы рабочіе „положились“ на высшіе классы и не стремились къ разрѣшенію своего вопроса *снизу вверхъ*, къ уничтоженію всякихъ классовъ, все будетъ отлично : волки будутъ сыты, а овцы, если и не совсѣмъ цѣлы, то культурны, нравственны, и будутъ питать нѣжную симпатію къ альтруистамъ- волкамъ

Можетъ быть самъ Тойнби, умолявшій рабочихъ „положиться“ на представителей „средняго класса въ Англіи“, которые „начинаютъ измѣняться къ лучшему“, и искренно вѣрилъ въ грядущій волчій альтруизмъ; можетъ быть не совсѣмъ сознательно дѣйствуютъ и нѣкоторые изъ студентовъ; тѣмъ не менѣе очевидно, что въ основѣ попытокъ этого рода лежитъ спасеніе надвигающагося на Англію рабочаго движенія *снизу вверхъ*. Помощь бѣднымъ, вошедшая въ государственныя учрежденія, испоконъ вѣку практиковалась въ Англіи въ такихъ размѣрахъ, какъ нигдѣ на континентѣ, и приносила не малую пользу англійской буржуазіи, поддерживая въ полуживомъ состояніи громадныя арміи рабочихъ, полезныя и даже необходимыя для предпринимателей въ моменты оживленія производства. При этомъ точно также испоконъ вѣку благодѣтельствуемые и общественной и частной благотворительностью всей душой ненавидѣли своихъ благодѣтелей. Это было въ порядкѣ вещей и никого не беспокоило. Буржуазія не нуждалась въ сердцахъ рабочихъ и довольствовалась ихъ руками. Теперь, въ виду приближающагося введенія всеобщей подачи голосовъ въ Англіи, а также и быстрого распространенія соціалистическаго и вообще умственного движенія среди рабочаго класса этой страны, буржуазія начинаетъ стремиться къ приобрѣтенію вмѣстѣ съ руками сердецъ и умовъ рабочихъ. Не даромъ американскій профессоръ Адамсъ, а съ нимъ и г. Янжуль, совершенно увѣрены, что населеніе Истъ-Энда пошлетъ въ парламентъ любезныхъ джентельменовъ, живущихъ въ его средѣ.

Нельзя не признать, что англійскіе филантропы борются въ данномъ случаѣ, такъ сказать, законнымъ оружіемъ, что ихъ дѣятельность никакого вреда рабочимъ принести не можетъ, а собственно лекціи, хотя бы даже „о краснорѣчьи“ или „объ итальянскомъ

искусствѣ“, могутъ и пригодиться ; но во всякомъ случаѣ—это попытка борьбы отживающаго буржуазнаго порядка съ растущей силою социализма .

Какъ отнесся бы къ этой дѣятельности Бѣлинскій, мы можемъ узнать изъ той же, уже цитированной нами, статьи о романѣ Эжена Сю. „Изображая французскій народъ, говоритъ Бѣлинскій, Эженъ Сю, какъ истинный мѣщанинъ (bourgeois) смотритъ на него очень просто — какъ на голодную, оборванную чернь, невѣжествомъ и нищетою осужденную на преступленія. Онъ не знаетъ ни истинныхъ пороковъ, ни истинныхъ добродѣтелей народа, не подозреваетъ, что у него есть будущее, котораго уже нѣтъ у торжествующей и преобладающей партіи, потому что въ народѣ есть вѣра, есть энтузіазмъ, есть сила нравственности. Эженъ Сю сочувствуетъ бѣдствіямъ народа: зачѣмъ отнимать у него благородную способность состраданія... Но какъ сочувствуетъ — это другой вопросъ. Онъ желалъ бы, чтобы народъ не бѣдствовалъ, и, переставъ быть голодною, оборвальною и часто поневолѣ преступною чернью, сдѣлался сытою, опрятною и прилично себя ведущею чернью, а мѣщане, теперешніе фабриканты законовъ во Франціи, оставались бы по прежнему господами Франціи.“ Бѣлинскій допускаетъ даже, что ромавъ, заставивши „общество потолковать нѣсколько времени о народѣ“, можетъ вызвать ту или другую законодательную мѣру, клонящуюся къ улучшенію участи бѣдняковъ. и все-же его сочувствіе вовсе не на сторонѣ этихъ благодѣтелей „сверху внизъ“. Никогда не повѣрилъ бы онъ въ волчью идиллію и смѣшной показалась бы ему претензія юныхъ буржуа поднимать народъ до своего „нравственнаго уровня“. Бѣлинскій сочувствовалъ въ Европѣ ея революціоннымъ теченіямъ снизу вверхъ. Изъ людей, вышедшихъ изъ высшихъ классовъ, онъ признавалъ „друзьями“ народа лишь тѣхъ, „которые слили съ его судьбой свои обѣты и надежды“; но вѣдь тѣ никогда не сказали бы подобно Тойнби, рабочимъ : „положитесь на насъ, представителей средняго класса, мы ужъ о васъ позаботимся, поднимемъ, исправимъ и поведемъ.“ Тѣ „друзья“, о которыхъ говоритъ Бѣлинскій, не говорили отъ имени „средняго класса“, а боролись съ этимъ классомъ въ рядахъ рабочихъ.

Литературнаго обозрѣвателя „Русской Мысли“ „духовное общеніе интеллигенціи съ народомъ“ — какъ онъ величаетъ филантропію нѣсколькихъ десятковъ англійскихъ студентовъ — приводитъ, наоборотъ, въ полнѣйшій восторгъ. Ему кажется, что все движеніе русской интеллигенціи за послѣдніе тридцать лѣтъ : воскресныя школы 60-хъ годовъ, хожденіе въ народъ въ семидесятыхъ годахъ, возникновеніе обширной народнической литературы, дѣятельность земскихъ учителей и врачей, и, наконецъ, современное стремленіе въ деревню и идеализація мужика, — все это движеніе ваетъ ему совершенно аналогичнымъ по своимъ мотивамъ съ движеніемъ, выразившимся въ дѣятельности „Университетскаго поселенія“. Онъ отдаетъ даже предпочтеніе англійскому движенію „въ смыслѣ логичности и стройности“, потому что „въ лицѣ своихъ пионеровъ оно прямо взяло на себя роль руководителя во всѣхъ вопросахъ народной жизни“....

„Трудно и сравнивать русское и английское движение по ихъ внѣшней обстановкѣ“, меланхолически продолжаетъ авторъ. У послѣдняго и „огромные капиталы“, и „попутный вѣтеръ“, и „матеріальная и нравственная поддержка всѣхъ свѣтилъ науки“. Еще бы, на то оно и движение „сверху внизъ“! Ни капиталовъ, ни поддержки университетскихъ свѣтилъ науки не было, конечно, у социалистовъ, приходившихъ изо дня въ день, подъ дождемъ и туманомъ, проповѣдывать чернорабочимъ въ томъ же Истѣ-Эндѣ, у входа въ доки, освобожденіе *снизу вверхъ* (см. корреспонденцію м-съ Эвелингъ въ 1-мъ № нашего журнала). Правда, русскіе народники въ восьмидесятыхъ годахъ рѣшили двигаться сверху внизъ; но, во первыхъ, это одно недоразумѣніе: они и сами то—или, вѣрнѣе,—тотъ слой, настроеніе котораго они выражаютъ, находится, благодаря преслѣдованіямъ правительства, далеко не на верху и двигаться въ избранномъ направленіи либеральные народники не имѣютъ никакой возможности, а во вторыхъ, движение сверху внизъ встрѣчаетъ и „попутный вѣтеръ“, и „огромные капиталы“ только въ тѣхъ случаяхъ, когда является противовѣсомъ движенію снизу вверхъ.

Въ той же мартовской книжкѣ „Русской Мысли“, въ цитированномъ уже нами очеркѣ, такъ восхитившемъ толстовца, г. Шелгуновъ тоже обращается къ Европѣ и извлекаетъ изъ нея примѣръ интеллигентнаго народничества. Но что это за примѣръ! Глухо сказавши, что народничество составляетъ въ настоящее время идеаль всѣхъ культурныхъ народовъ и въ Германіи, Франціи и Англии выражается въ заботахъ объ улучшеніи положенія пролетаріата, а въ Скандинавскихъ государствахъ—крестьянства, онъ по необходимости ограничивается указаніемъ на героя одного переводнаго романа, какъ на образецъ „энтузіаста-идеалиста“ изъ высшихъ классовъ. Замѣчательно, что романъ переведенъ со шведскаго: только въ беллетристикѣ скандинавскихъ странъ г. Шелгуновъ и могъ встрѣтить подходящаго героя. Буржуазія отсталыхъ скандинавскихъ государствъ переживаетъ теперь свой запоздалый періодъ литературнаго свободомыслія, и ея беллетристы изображаютъ ее въ геройскихъ позахъ. Чтобы найти „интеллигентнаго“ энтузіаста въ нѣмецкихъ или французскихъ романахъ, г. Шелгунову пришлось бы обратиться лѣтъ на 30, на 40 назадъ, къ первымъ романамъ Шпильгагена для Германіи, къ Жоржъ Сандъ для Франціи. Да и тамъ не много нашлось бы героевъ, которые могли бы составить компанію шведскому народнику. Идеалисты этихъ старыхъ романовъ были неизмѣримо умнѣе и революціоннѣе кислосладкаго героя, плѣвившаго г. Шелгунова. Теперь во Франціи и въ Германіи всѣ идеалисты сосредоточились въ рабочихъ партіяхъ. Здѣсь за то, — по заявленію самихъ противниковъ рабочаго движенія, — „безчисленное множество идеалистовъ.“ *) Но наша интеллигенція ищетъ для своего ободренія лишь такихъ геро-

*) Заявленіе члена консервативной партіи, принца Каролата Шейнаха, въ германскомъ рейхстагѣ. См. статью Аксельрода „Политическая роль Соц.-Демокр.“, №2 Соціаль-Демократа.

евъ, которые напоминали бы ей ея собственныя черты, и находить ихъ, то въ лагерѣ противниковъ революціоннаго рабочаго социализма, то въ произведеніяхъ фантазіи шведскихъ беллетристовъ. Но подобнымъ ободреніямъ — грошъ цѣна, скажемъ мы любимыми словами г. Протопопова. И не „загорятся сердца интеллигенціи надеждой и стремленіемъ къ зиждательной работѣ“ отъ такихъ грошевыхъ ободреній. Только виновата въ этомъ не западная Европа, а современное русское непониманіе общественныхъ отношеній западной Европы. И пока мы не разстанемся съ этимъ непониманіемъ, до тѣхъ поръ не перестанутъ бродить въ потемкахъ наши оппозиціонные писатели и читатели, до тѣхъ поръ теоретическое безсиліе ихъ мысли необходимо будетъ вести за собою практическое безсиліе ихъ въ жизни.

В. Засуличъ.

LE DÉMOCRATE-SOCIALISTE

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ЖЕНЕВА

Типографія „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА“, route de Lancy, 505

1892

Содержаніе.

	Стр.
I. — ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ К. МАРКСА ВЪ 1843 ГОДУ, переводъ съ нѣмецкаго. В. Наумова	5 ✓
II. — РУССКІЙ РАБОЧИЙ ВЪ РЕВОЛЮЦІОННОМЪ ДВИЖЕНІИ (окончаніе). Г. Плеханова	30 ✓
III. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. В. И. Засуличъ	81
IV. — ЗА БАЙКАЛОМЪ (разсказъ). Вл. Дебагорія-Мокрѣевича	109 ✓
V. — Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ (ст. четвертая и послѣдняя). Г. Плеханова	144 ✓

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ

VI. — ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ СОЦІАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТІИ И ПОСЛѢДНІЕ ВЫБОРЫ ВЪ ГЕРМАНСКІЙ РЕЙХСТАГЪ (окончаніе). П. Аксельрода	3
VII. — ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ ПО ДѢЛУ С. ГИНСБУРГЪ.	46 ✓
VIII. — ВСЕРОССИЙСКОЕ РАЗЗОРЕНІЕ. Г. Плеханова	65 ✓
IX. — РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ 1881 ГОДУ	102 ✓
X. — БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА. Г. П	125
XI. — ПРОТЕСТЪ ХАРЬКОВСКИХЪ СТУДЕНТОВЪ	131
XII. — ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВЪ (некрологъ)	133
XIII. — СТАНИСЛАВЪ ПАДЛЕВСКІЙ (некрологъ). Польскаго товарища	134
XIV. — ЛЮДОВИКЪ ВАРЫНСКІЙ (некрологъ). Польскаго товарища.	135
XV. — ШПИОНСКІЯ ЗАБАВЫ. Г. Плеханова	137
XVI. — О ДАЛЬНѢЙШЕМЪ ВЫХОДѢ „СОЦ.-ДЕМОКРАТА“.	139
XVII. — СПИСОКЪ НѢКОТОРЫХЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ	140

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

II.

The career of a nihilist. A novel, by Stepniak. London, 1889.

Мы хотѣли говорить объ этомъ романѣ, нѣсколько главъ котораго помѣщено во второй книжкѣ нашего журнала, лишь помѣстивши пять послѣднихъ, по нашему мнѣнію, лучшихъ его главъ. Но такъ какъ помѣщеніе ихъ затягивается, мы рѣшились, не откладывая долѣе, подѣлиться съ читателями впечатлѣніемъ, произведеннымъ на насъ этимъ романомъ.

Хотя написанный по англійски и для англійской публики, онъ является, тѣмъ не менѣе, первымъ беллетристическимъ произведеніемъ, рисующимъ жизнь русскихъ революціонеровъ съ знаніемъ изображаемой среды, ея обстоятельствъ и настроенія.

Дѣйствіе романа охватываетъ лишь одинъ годъ быстро мѣняшей свой характеръ жизни и дѣятельности революціонеровъ; эта жизнь изображена въ немъ, въ большинствѣ случаевъ, довольно бѣгло, крупными штрихами и въ то же время далеко не всесторонне, и все таки изъ него одного читатель неизмѣримо лучше узнаетъ революціонеровъ, чѣмъ изъ всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ беллетристическихъ произведеній русской литературы (не исключая, разумѣется, и „Нови“ Тургенева), бравшихся изображать людей революціоннаго движенія.*)

Какъ мы уже сказали, дѣйствіе романа охватываетъ одинъ годъ. Авторъ не обозначаетъ этого года, но его легко опредѣлить: это конецъ

*) Мы и не думаемъ сравнивать таланта Степняка съ талантомъ Тургенева. Но въ „Нови“, именно, поскольку дѣло идетъ о революціонерахъ, таланту Тургенева пришлось остаться безъ употребленія по полнѣйшему, очевидному незнакомству со средой и непониманію изображаемаго движенія. Революционеры „Нови“ не живые люди и даже не карикатуры на людей, а нечто вовсе небывалое и невозможное.

1878 и первая половина 1879 года — послѣдній годъ существованія общества „Земля и Воля“, къ которому принадлежитъ герой и большинство дѣйствующихъ лицъ романа. Было бы, впрочемъ, большой ошибкой искать въ немъ матеріала для фактической исторіи движенія. Мы встрѣчаемся здѣсь только съ однимъ историческимъ событіемъ: съ покушеніемъ на жизнь Александра II; но и тутъ изъ дѣйствительности заимствованы лишь подробности самого факта покушенія. Въ героѣ никто, навѣрное, не узналъ бы Соловьева; не соотвѣтствуютъ также дѣйствительности и происшествія, повліявшія на его рѣшеніе. Тѣмъ не менѣе, каждый, знакомый съ движеніемъ того времени, узнаетъ въ романѣ этотъ переходной годъ, когда терроръ уже захватилъ значительную часть революціонныхъ силъ, но къ нему не была еще подыскана общая программа и четыре сошедшихся террориста дѣйствительно имѣли очень много шансовъ оказаться, какъ это описано въ одной сценѣ романа, обладателями четырехъ различныхъ взглядовъ какъ на значеніе террора, такъ и на то мѣсто, которое онъ долженъ занимать въ дѣятельности ихъ организаціи. Это годъ самой напряженной и разносторонней, хотя и не систематической дѣятельности революціонеровъ. Къ этому году относятся самыя сложныя, требовавшія наибольшей затраты силъ и средствъ предпріятія съ цѣлью освобожденія заключенныхъ, большинство политическихъ убійствъ и громадное большинство вооруженныхъ сопротивленій при арестахъ. Но въ то же время организація продолжаетъ еще работать и въ прежнемъ направленіи. Половина членовъ „Земли и Воли“ еще дѣйствуетъ въ деревнѣ, рабочее движеніе въ Петербургѣ, связанное съ „Землей и Волей“, начинаетъ быстро развиваться; въ прочно и хорошо устроенной типографіи печатается журналъ, и на все это, благодаря прекрасной организаціи, состоящей почти исключительно изъ нелегальныхъ, съ избыткомъ хватаетъ силъ и средствъ революціонеровъ. На сценѣ романа мы видимъ изъ революціонной дѣятельности только попытки освобожденій и покушеніе на жизнь царя, да различныя связанныя съ этой дѣятельностью эпизоды, вродѣ яркой, прямо изъ жизни выхваченной сцены тайнаго перехода черезъ границу, свиданія родственниковъ съ заключенными и проч. Но какъ изъ разговоровъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и со словъ самого автора мы узнаемъ, что ведется пропаганда среди рабочихъ, происходятъ сопротивленія при арестахъ, упоминается и о тайной типографіи.

Дѣйствіе романа распадается на двѣ чередующіяся между собою въ изложеніи части. Въ одной, происходящей въ Петербургѣ, революціонная дѣятельность составляетъ лишь фонъ картины. Большинство дѣйствующихъ лицъ—нелегальные революціонеры, за сценой случаются обыски, аресты, идетъ революціонная работа, о которой упоминается въ разговорахъ, но на первомъ планѣ остается любовь тайкомъ вернувшагося эмигранта Андрея Кожухова къ молодой дочери либеральнаго адвоката, Танѣ, въ началѣ романа еще мирно живущей въ родительскомъ домѣ, а затѣмъ принятой въ революціонную организацію. Здѣсь мы заняты, главнымъ образомъ, исторіей этой любви, недоразумѣніями, заставляющими Андрея вообра-

зить, будто Таня любитъ его друга Георга, а затѣмъ разъясненіемъ этихъ недоразумѣній и соединеніемъ влюбленныхъ.

Другая часть романа происходитъ въ провинціальномъ городѣ Дубравникѣ, гдѣ содержится въ тюрьмѣ другъ Кожухова, Борисъ. Въ этой части весь интересъ сосредоточенъ на ходѣ слѣдующихъ одна за другой попытокъ освобожденія Бориса, которыя предпринимаетъ его жена Зина при помощи нѣсколькихъ революціонеровъ, и въ ихъ числѣ пріѣхавшаго изъ Петербурга Кожухова. Сперва ведется подкопъ. Онъ открытъ, и тотчасъ-же составляется новый планъ освобожденія арестантовъ вооруженной силой на улицѣ, когда ихъ поведутъ на допросъ. Сцена нападенія на конвой—одна изъ самыхъ яркихъ и живыхъ въ романѣ. Революціонеровъ снова постигаетъ неудача: двое изъ арестованныхъ освобождены, но Борисъ остается въ рукахъ жандармовъ. Зина съ нѣсколькими друзьями рѣшаются продолжать свои попытки освобожденія, Кожуховъ же, сильно разыскиваемый, такъ какъ онъ игралъ главную роль въ нападеніи на конвой, возвращается въ Петербургъ.

Черезъ нѣсколько времени попадаютъ въ руки жандармовъ и сами освободители. Они отстрѣливались при арестѣ, присоединены къ процессу Бориса и имъ грозитъ смертная казнь. Мѣстные революціонеры рѣшаютъ освободить ихъ всѣхъ вмѣстѣ съ Борисомъ и избираютъ Кожухова своимъ предводителемъ въ этомъ предпріятіи. Слѣдующія главы: судъ надъ революціонерами, подготовленіе освобожденія, неудача и казнь заключенныхъ составляютъ содержаніе довольно цѣльнаго отрывка, напечатаннаго во 2-ой книжкѣ „Соціально-Демократа“.

Такое распаденіе романа на два повѣствованія, связаннаго лишь личностью героя, переѣзжающаго изъ Петербурга въ Дубравникъ и обратно, при чемъ въ Петербургѣ мы не слышимъ о Дубравникѣ, а въ Дубравникѣ забываемъ о любви героя, ослабляетъ отчасти цѣльность интереса и художественное впечатлѣніе романа. Но этотъ недостатокъ выкупается послѣдними главами, гдѣ оба сюжета: любовь и борьба сливаются въ одно цѣлое.

Какъ читатель помнитъ, вѣроятно, напечатанный нами отрывокъ заканчивается намекомъ Кожухова на зародившееся въ немъ намѣреніе убить царя. Черезъ нѣсколько дней онъ является въ Петербургъ съ установившимся уже планомъ, и теперь петербургская идиллія сталкивается, наконецъ, съ революціонной горячкой Дубравника, приведшей Андрея къ его рѣшенію.

Это положительно лучшія главы романа. До нихъ авторъ является прекраснымъ рассказчикомъ, ярко и живо рисуя сцены и происшествія въ военной, происходящей въ Дубравникѣ, части своего повѣствованія. Часть, происходящая въ Петербургѣ — это граціозная любовная повѣсть, въ ней встрѣчаются очень вѣрныя психологическія черты, напримѣръ: зарожденіе ревности въ душѣ героя, но такихъ повѣстей не мало и въ русской, и въ европейскихъ литературахъ. За то послѣднія главы: душевное состояніе Кожухова во время приготовленій къ царубійству, въ особенности же сцены между Таней и ея мужемъ, открывшимъ ей свое рѣшеніе, показываютъ въ

авторъ способность къ болѣе высокому художественному творчеству. Въ этихъ сценахъ онъ выказалъ, по нашему мнѣнію, черты сильнаго драматическаго таланта, сѣумѣвши въ немногихъ, самыхъ простыхъ словахъ Тани показать намъ весь трагизмъ душевнаго состоянія этой молодой женщины, у которой любимый человѣкъ добровольно идетъ на вѣрную смерть, и она не можетъ ни помѣшать этому, ни раздѣлить его участь, и вынуждена, сложа руки, ждать цѣлыя недѣли, пока дѣлается приготовленія къ покушенію.

Сперва она еще не вѣритъ въ невозвратность рѣшенія и пытается спорить противъ него. Для нея въ эти минуты дѣло не въ царѣ, а въ неизбежно связанной съ выстрѣломъ въ него казни любимаго человѣка. Но она революціонерка, членъ „Земли и Воли“. Она привыкла къ мысли, что все личное, всѣ индивидуальныя страданія ничто передъ дѣломъ; поэтому, хотя все существо ея противится ужасному рѣшенію, она совершенно искренно хватается для борьбы съ нимъ за доводы чисто дѣловаго характера. Ей надо страшно спѣшить убѣдить своего Андрея, пока онъ не успѣлъ еще сообщить плана товарищамъ. Разъ тѣ примутъ его (а они навѣрно примутъ, ужасалась про себя Тани), спорить будетъ уже поздно, рѣшеніе Андрея станетъ обязательнымъ для него самого. Но ея аргументы, первые попавшіеся аргументы, за которые она хватается, какъ утопающій за соломинку, производятъ на мужа скорѣе обратное дѣйствіе. Онъ одушевляется, горячо защищая свое рѣшеніе.

„Она чувствовала, что теряетъ почву. Она не знала, что сказать, что дѣлать. А замолчать, уступить было слишкомъ ужасно.

— „Погоди минуту, Андрей, дорогой, сказала она, удерживая его за руки, какъ будто онъ собирался тотчасъ же уйти отъ нея. Одну минуту. Я хочу еще сказать тебѣ что-то... очень убѣдительно. Но не могу вспомнить... Все это такъ ужасно, что у меня голова кружится... Дай мнѣ подумать...

„Она стояла подлѣ него, опустивши глаза и нагнувши голову.

— „Я буду ждать сколько хочешь, сказалъ Андрей, цѣлуя ея поблѣднѣвшій лобъ. Не будемъ больше говорить объ этомъ сегодня...

„Она отрицательно поѣчала головой. Нѣтъ, она должна сейчасъ же отыскать свой забытый аргументъ. — Крестьяне вѣрятъ въ царя. — Нѣтъ, это не то! Та часть общества, которая теперь остается нейтральной. — Не то, опять не то!

„Вдругъ она вздрогнула всѣмъ тѣломъ и ея губы поблѣзли; она нашла свой великій аргументъ, свой послѣдній оплотъ и увидѣла, какъ слабъ онъ былъ и въ то же время какъ ужасенъ.

— „Что будетъ со мною, когда они убьютъ тебя!...“

Мы съ трудомъ удерживаемся, чтобы не продолжать цитатъ, чтобы не переполнять нашей статьи выписками изъ этихъ послѣднихъ главъ. Но мы боимся ослабить переводомъ, всегда отстающимъ въ живости отъ оригинала, впечатлѣніе этихъ глубоко прочувствованныхъ сценъ, и надѣемся, что русскій авторъ скоро самъ подѣлится своимъ произведеніемъ съ русскими читателями.

II.

Центральной фигурой романа, около которой группируются все остальные, является Андрей Кожуховъ. Авторъ съ видимой любовью рисуетъ его съ различныхъ сторонъ, въ различныхъ положеніяхъ. Онъ часто очень тонко, очень вѣрно отмѣчаетъ тѣ или другія душевныя движенія своего героя и, тѣмъ не менѣе, фигура этого героя остается неясной, не складывается для насъ въ живую, конкретную личность.

Мы видимъ изъ романа, что Кожуховъ способенъ сильно любить. Онъ глубоко страдаетъ, когда думаетъ, что любимая имъ дѣвушка влюблена въ другого, а когда эта дѣвушка стала его женой, онъ говоритъ ей такія поэтическія любовныя рѣчи, что, взятая отдѣльно, онѣ составили бы положительно прекрасный любовный гимнъ. Онъ храбрый изъ храбрыхъ, хладнокровный въ опасности предводитель и организаторъ труднѣйшихъ нападеній. Въ послѣднихъ главахъ, наконецъ, онъ является страстнымъ, безгранично самоотверженнымъ фанатикомъ.

Все эти черты характера героя обрисованы довольно ярко, но онѣ все же не сливаются въ одинъ цѣльный образъ, изъ нихъ не выходитъ опредѣленной живой индивидуальности. Какъ мы только что сказали, авторъ часто дѣлаетъ, говоря о Кожуховѣ, очень вѣрныя, иногда очень глубокія въ психологическомъ отношеніи замѣчанія, но эти замѣчанія вѣрны вообще по отношенію къ сильно любящему человѣку или испытанному революціонеру въ положеніи Кожухова, и вовсе не дорисовываютъ для насъ его индивидуальной личности. То же можно сказать почти о всѣхъ женскихъ лицахъ романа: онѣ слабо индивидуализированы. Потрясающе живо и естественно изображено душевное состояніе Тани въ послѣднихъ главахъ, но она является въ нихъ все таки не индивидуальнымъ характеромъ, а олицетвореніемъ молодой, любящей революционерки, мужъ которой идетъ добровольно на вѣрную смерть. Но изъ того же романа видно, однако, что автору далеко не чужда способность создавать живыя, индивидуальныя личности. Нѣкоторыя изъ второстепенныхъ лицъ романа являются предъ нами совершенно живыми людьми со своей индивидуальной физиономіей. Это по преимуществу не эффектные, не блестящіе герои (хотя тѣмъ не менѣе настоящіе герои, въ общемъ, не романическомъ смыслѣ этого слова), а тѣ, въ изображеніе которыхъ авторъ вкладываетъ немножко ласковой, добродушной насмѣшки, тѣ, которые отличаются отъ остальныхъ лицъ своими привычками, манерами или спеціальностью, въ которыхъ замѣтенъ нѣкоторый элементъ чужачества. Герои же безукоризненно блестящіе и изящные остаются для насъ туманными образами.

Какъ извѣстно, идеальные герои вообще рѣдко удавались въ литературѣ. Мы вовсе не думаемъ, однако, чтобы неполная удача автора зависѣла отъ излишней идеализаціи, вложенной имъ въ обрисовку своихъ героевъ, отъ его неумѣнья подмѣтить тѣневныя стороны ихъ характеровъ, или отъ умышленнаго умалчизанья объ этихъ сторонахъ. Вѣдь онъ рисуетъ людей, принадлежавшихъ къ дѣйствующей революціонной организаціи, являвшейся руководящимъ центромъ всего движенія. Не могли эти люди не быть храбрецами, всецѣло преданными своему дѣлу — иначе они не попали бы въ эту организацію, пополнявшуюся лишь революціонерами, уже доказавшими свою способность съ успѣхомъ служить дѣлу. Не могло проявляться въ ихъ характерахъ и тѣхъ, если не дурныхъ, то во всякомъ случаѣ будничныхъ чертъ обычной житейской пошлости, мелкаго житейскаго эгоизма, личнаго или семейнаго, — тѣхъ мелкихъ черточекъ, которыя почти неизбѣжно накладываются на характеръ даже очень блестящихъ людей обстоятельствами, со всѣхъ сторонъ опутывающими ихъ среди обычныхъ житейскихъ отношеній. Изображенный въ обычной средѣ идеальный герой не можетъ не явиться ходульной личностью. Здѣсь самыя достоинства, переходя за извѣстные предѣлы, слишкомъ превышая обычный въ данной средѣ уровень, необходимо ведутъ за собою соотвѣтствующіе этимъ достоинствамъ недостатки, непременно проявляютъ свою оборотную сторону. И правдивый художникъ, рисуя своего героя въ обычной средѣ, долженъ отмѣтить объ стороны взятаго имъ характера.

Въ другомъ положеніи находится художникъ, взявшій своихъ героевъ изъ міра нелегальныхъ, организованныхъ революціонеровъ. Тотъ, крошечный по численности, мірокъ, сумѣвшій создать для себя, среди всеобщаго пассивнаго прозябанія, широкое поприще свободной общественной дѣятельности, захватывающей всѣ силы и помыслы человѣка, тѣмъ самымъ уничтожилъ въ своей средѣ почти всѣ обычныя условія и отношенія, а слѣдовательно и всякую возможность проявленія личныхъ недостатковъ, обусловливаемыхъ этими отношеніями.

Поясимъ нашу мысль примѣромъ. Тургеневскій Рудинъ — это очень умный, образованный человѣкъ и талантливый пропагандистъ, умершій смертью героя. Его умственная живость, богатство инициативы, жажда общественной дѣятельности заставили его цѣлую жизнь заниматься тѣмъ же, чѣмъ занимался некрасовскій герой, который „по свѣту рыщетъ, дѣла себѣ исполнскаго ищетъ“, будя мимоходомъ умъ и общественное чувство попадавшей на его дорогѣ чуткой молодежи. Герценъ совершенно правъ, когда говоритъ, что слово Рудина было его дѣломъ и очень важнымъ дѣломъ. Но, раздаваясь среди практичныхъ, благоразумныхъ людей, занятыхъ своими „дѣлами“, оно казалось полнѣйшимъ бездѣльемъ — казалось не только другимъ, даже самому Рудину. Дѣлами онъ считалъ свои, постоянно кончавшіяся неудачами, попытки вліять на богатыхъ помѣщиковъ въ смыслѣ преобразованій въ ихъ имѣніяхъ (ради устраненія крѣпостного труда, по всему вѣроятію), на начальство гимназій для измѣненія преподаванія и т. п. Но такъ какъ эти дѣла не удавались, а

рѣчи Рудина не казались, не считались дѣломъ, предъ нимъ могли кичиться всѣ мелкіе, окружавшіе его, практики. При этомъ, въ противоположность некрасовскому герою, его никакое „наслѣдство богатыхъ отцовъ“ не „освободило отъ малыхъ трудовъ“. Невозможность посвятить себя этимъ малымъ трудамъ, необходимость всегда „жертвовать своими личными выгодами, не пускать корней въ добрую почву, какъ бы жирна она ни была“ (слова примирившагося съ нимъ Лежнева), вытекала для него изъ его „политической натуры“, по опредѣленію того же Лежнева. Жирной и вмѣстѣ доброй почвы для такихъ натуръ не было тогда въ Россіи, да нѣтъ и теперь. Но эта неспособность настойчиво заботиться о своихъ личныхъ выгодахъ, при отсутствіи богатаго наслѣдства, часто ставила его въ фальшивое, унижительное положеніе какого-то приживальщика, „лизоблюда“, какъ отзывается о немъ взяточникъ Пигасовъ, заставляла занимать безъ отдачи деньги у своихъ богатыхъ знакомыхъ. И въ первой части, гдѣ Рудинъ является еще полнымъ силъ, не сломленнымъ жизнью человѣкомъ, авторъ не поспешилъ на щелчки своему герою. Всѣ окружающіе его, глубоко сидящіе въ „жирной почвѣ“ практичныя люди, дѣлаютъ о немъ преехидныя и преосновательныя замѣчанія. Восхищаются имъ и поддаются подъ его вліяніе только очень юные и уже поэтому одному совершенно непрактичныя люди. — „Этотъ человѣкъ не только умѣлъ потрясти тебя, онъ съ мѣста тебя сдвигалъ, онъ до основанія переворачивалъ, зажигалъ тебя!“ говоритъ про него Басистовъ. Но зажегши этихъ юныхъ людей, Рудинъ оставлялъ ихъ горѣть и зажигать другихъ, какъ знаютъ и могутъ. Ему некуда было вести ихъ за собою, онъ не могъ дать имъ никакого опредѣленнаго дѣла. Его задача, — задача того времени — заключалась лишь въ томъ, чтобы разбудить въ людяхъ стремленіе къ общему и великому, внушить имъ первую мысль о томъ, что есть, что могутъ быть на свѣтѣ иные интересы и инья дѣла кромѣ личныхъ, что „все великое совершается черезъ людей“, а не только черезъ царей и генераловъ. Но людей даже съ такими неопредѣленными стремленіями было еще слишкомъ мало, никакое практическое дѣло еще не было возможно, а если бы и было, самъ Рудинъ совсѣмъ не годился въ организаторы. Онъ былъ прекрасный пропагандистъ, но не имѣлъ ни малѣйшихъ способностей пракческаго вождя: онъ не умѣлъ узнавать людей. А между тѣмъ проснувшіеся и именно поэтому ставшіе „лишними“, чужими въ родной средѣ молодые люди оставались неудовлетворенными и начинали горько жаловаться на Рудина. Жалкую роль разыгралъ онъ также предъ однимъ изъ этихъ молодыхъ существъ, Натальей, испугавшись отвѣтственности, которую налагала на него ея готовность „идти за нимъ“. Хотя, съ другой стороны, вся дальнѣйшая судьба Рудина доказала какъ нельзя лучше, что онъ хорошо поступилъ относительно Натальи, побоявшись связать ея судьбу со своею. Въ то время внѣ семьи для жепщины не было мѣста, а ему ли было брать на себя отвѣтственность за семью, за чужія жизни, когда онъ и со своею-то не могъ справиться? Вѣдь онъ навсегда остался „безпріютнымъ скитальцемъ“, мы и черезъ много лѣтъ встрѣчаемъ его съ продран-

ными локтями, вѣдушимъ въ метель и вьюгу на перекладныхъ, даже не зная путь, куда вѣхать ?

А вообразите себѣ того же Рудина, съ его умомъ, съ его характеромъ, членомъ такой революціонной организаціи, какія существовали у насъ въ семидесятыхъ годахъ. Разумѣется, содержаніе его рѣчей было бы другое. „Бѣсъ общественныхъ заботъ“ успѣлъ къ этому времени вселиться во всѣ слои русскаго общества. Отвлеченное „дѣло“ и гражданская скорбь успѣли превратиться въ ходячую фразу. Тѣ слишкомъ туманныя и неопредѣленныя рѣчи, которыя въ началѣ сороковыхъ годовъ такъ сильно волновали молодыхъ слушателей Рудина, въ семидесятыхъ не имѣли бы никакой силы. Онъ долженъ бы звать теперь на опредѣленное дѣло; но революціонеръ семидесятыхъ годовъ могъ звать на такое дѣло. Его могла дать революціонная организація. Въ организаціи всѣ слабыя, тѣневныя стороны характера Рудина отступили бы на задній планъ, а на виду остались бы однѣ блестящія. Его самолюбіе, его бросавшееся въ глаза сознаніе собственнаго превосходства потеряли бы свои наиболѣе шокирующія стороны. Товарищи по организаціи легко прощали бы ему это превосходство, такъ какъ оно являлось бы, нѣкоторымъ образомъ, ихъ общимъ достояніемъ. Да и въ немъ самомъ усиленное сознаніе своего „я“ („скажетъ: „я“, и съ умиленіемъ остановится. . . „я, молю, я. . .“, ехидничалъ на его счетъ Пигасовъ), неизбежное при его одиночествѣ, не могло бы не превратиться хотя отчасти въ „мы“, въ гордость значеніемъ своей организаціи. Въ ней и дѣятельность, и самое существованіе отдѣльнаго лица находились въ тѣснѣйшей зависимости отъ дѣятельности всѣхъ остальныхъ. Сознавая свое превосходство въ одномъ отношеніи, онъ не могъ бы не сознать своихъ недостатковъ во многихъ другихъ. Прекрасный пропагандистъ въ средѣ образованной молодежи, Рудинъ навѣрное былъ бы нигде не годнымъ организаторомъ, плохимъ конспираторомъ, и въ этихъ областяхъ не могъ бы не признать превосходства многихъ товарищей и своей полнѣйшей отъ нихъ зависимости. Потеряли бы всякое значеніе и тѣ стороны его характера, изъ за которыхъ онъ становился въ положеніе, позволявшее Пигасову называть его „лизоблюдомъ“. Поглощеніе всѣхъ силъ и средствъ организаціи общимъ дѣломъ и тѣсное товарищество, способное на такія жертвы другъ для друга, на какія, при обычномъ опутанномъ тысячею сѣтей существованіи, неспособна и самая близкая дружба, устраняли изъ этого мірка всякую тѣнь личной борьбы за существованіе, безпечность въ которой ставила Рудина въ униженныя положенія.

Другой примѣръ: Бѣлинскій въ одной изъ своихъ статей о Пушкинѣ дѣлаетъ, между прочимъ, такую характеристику современныхъ ему русскихъ „идеальныхъ дѣвъ“. „Онѣ, обыкновенно, страшныя любительницы чтенія, и читаютъ много и скоро, вѣдаютъ книги. . . Все, что въ ходу, о чемъ пишутъ и говорятъ въ настоящее время, все это сводитъ ихъ съ ума. Но во всемъ этомъ онѣ видятъ свою любимую мысль, оправданіе своей настроенности, т. е. идеальность, — видятъ ее даже и тамъ, гдѣ ея вовсе нѣтъ. . . Онѣ

питають непримиримую ненависть ко всему матеріальному. Эта ненависть у нихъ часто простирается до желанія вовсе отрѣшиться отъ матеріи. Для этого онѣ морятъ себя голодомъ, не ѣдятъ иногда по цѣлой недѣлѣ, жгутъ на свѣчкѣ пальцы, кладутъ себѣ на грудь подъ платье снѣгу, отучаютъ себя отъ сна.“ Въ такой острой формѣ идеальниченье не можетъ, конечно, долго длиться и при упорствѣ заканчивается той или другой болѣзнью; но слѣды прежняго настроенія навсегда лишаютъ этихъ женщинъ спокойствія и счастья. Это,—разумѣется, ни съ чѣмъ несообразное настроеніе, какой-то совершенно отвлеченный протестъ. Но „какъ винить ихъ въ томъ, говоритъ Бѣлинскій, что вмѣсто живыхъ существъ, изъ нихъ выходятъ нравственные уроды? Окружающая ихъ положительная дѣйствительность въ самомъ дѣлѣ очень пошла, и ими невольно овладѣваетъ неотразимое убѣжденіе, что хорошо только то, что не похоже, что диаметрально противоположно этой дѣйствительности.“

Знаніе иностранныхъ языковъ въ среднемъ провинціальномъ дворянствѣ было въ то время гораздо сильнѣе распространено среди женщинъ, чѣмъ среди мужчинъ, а „идеальныя дѣвы“ были страстныя читательницы. Онѣ зачитывались художественными произведеніями европейской литературы, по преимуществу романтической, отражавшей въ себѣ умственное движеніе европейскаго общества того времени. Ничего положительнаго не давало и не могло давать имъ это чтеніе, но оно отрывало ихъ отъ родной среды, оно ставило ихъ во враждебное отношеніе къ окружающимъ ихъ гоголевскимъ типамъ, лишало возможности интересоваться безконечными разговорами :

„О сѣнокосѣ, о винѣ
„О царнѣ, о своей роднѣ“.

Разумѣется, у немногихъ серьезно страдавшихъ, искренно протестовавшихъ противъ окружающей пошлости, дѣвушекъ были многочисленныя подражательницы изъ моды, изъ кокетства, чтобы казаться „интереснѣе“, но не о нихъ рѣчь. Для тѣхъ же, которымъ дѣйствительно не было полного возврата въ мирное, сытое и сонное существованіе окружающей среды, была лишь одна надежда, одно спасеніе: бракъ съ какимъ нибудь „идеальнымъ героемъ“. Немудрено, что бѣдная Татьяна, въ которой Бѣлинскій тоже видитъ „идеальную дѣву“, только снабженную исключительно глубокой и страстной натурой, рѣшается писать человѣку, не подавшему ей ни малѣйшаго повода заподозрить его въ любви, и котораго она и видѣла-то всего одинъ разъ : „я твоя“ . . .

Твоей защиты умоляю . . .
Вообрази: я здѣсь одна
Никто меня не понимаетъ;
Разсудокъ мой изнемогаетъ;
И молча гибнуть я должна.

Защитить ее онъ могъ, конечно, не иначе, какъ женившись (на ней — и, какъ извѣстно, не защитилъ.

Но вообразите такихъ же дѣвушекъ съ ихъ напряженной внутренней работой въ одиночку среди апатичной семьи, съ той же тоской, но съ инымъ умственнымъ содержаніемъ, въ атмосферѣ 70-хъ годовъ.

Силуэтовъ такихъ дѣвушекъ попадалось не мало въ повѣстяхъ и романахъ русскихъ журналовъ. Такова, на примѣръ, Лиза въ романѣ Эртеля „Гарденины“. Такова Надя въ прелестной повѣсти Стернъ „Изъ Гнѣзда“, забравшейся по какому-то недоразумѣнію въ „Русскій Вѣстникъ“. Мѣсто слишкомъ неопредѣленнаго и по преимуществу эстетическаго понятія „пошлости“, пугавшей „идеальныхъ дѣвъ“, у дѣвушекъ 70-хъ годовъ заняло нѣсколько болѣе опредѣленное нравственное понятіе „несправедливости“. Несправедливы источники дохода семьи, несправедливо, преступно ихъ собственное сытое бездѣлье, ихъ привилегированное положеніе по отношенію къ низшимъ классамъ. Этимъ дѣвушкамъ не могло уже придти въ голову спеціально заняться самомучительствомъ. Имъ видѣлся впереди иной выходъ, кромѣ замужества съ идеальнымъ героемъ. Онѣ слышали о происходящемъ вдали движеніи, рвались къ нему и при достаточной энергіи обыкновенно попадали въ его сферу. Чтобы помочь имъ, новѣйшимъ Рудинымъ, не было никакой надобности непременно влюбиться и жениться на нихъ. Мѣсто болѣзненной экзальтаціи и безцѣльнаго самомучительства, до котораго могли бы дойти и дѣвушки 70-хъ годовъ, не будь для нихъ никакого выхода, заняла горячая дѣятельность ради опредѣленной общественной цѣли. вмѣсто уродливыхъ, почти смѣшныхъ (хотя очень серьезно несчастныхъ) „идеальныхъ дѣвъ“ явились женщины, на характеры которыхъ сами враги не могли набросить тѣни, не прибѣгая къ самой наглой клеветѣ.

За исключеніемъ моментовъ возстанія, когда женщины рабочей среды не разъ играли довольно значительную роль, самостоятельная общественная дѣятельность рѣдко выпадала на долю женщинъ, и эти рѣдкія женщины составляли, въ большинствѣ случаевъ, исключительныя явленія, по своимъ талантамъ или по своему положенію. Ни по талантамъ, ни по положенію русскія революціонерки 70-ыхъ годовъ не были исключеніями. Въ ихъ лицѣ обыкновенныя женщины — сотни такихъ женщинъ — добились рѣдкаго въ исторіи счастья дѣйствовать не въ качествѣ вдохновительницъ, жепъ или матерей мужчинъ, а въ качествѣ вполне самостоятельныхъ равныхъ мужчинамъ общественныхъ дѣятелей. И какъ ни велики тѣ страданія, которыми правительство мститъ этимъ женщинамъ за ихъ недолгую дѣятельность, онѣ навѣрное никому не позавидуютъ. Онѣ были очень счастливы.

Но вотъ теперь, въ 80-хъ годахъ, ослабѣло революціонное движеніе, и—какъ вамъ кажется читатель?—не воскресаютъ-ли въ иныхъ формахъ различныя видоизмѣненія „идеальныхъ дѣвъ“ и юношей иныхъ временъ? Съ одной стороны, они возрождаются, какъ намъ кажется, въ неопредѣленномъ разочарованіи *во всемъ* современныхъ любимыхъ поэтовъ. Съ другой, на видъ совершенно противоположной, стороны, они воскресаютъ въ дѣятельности толстовцевъ, во всевозможныхъ земледѣльческихъ и иныхъ упражненіяхъ ради личнаго успокоенія и совершенствованія. Общее съ идеальными барышнями здѣсь только одно, но это одно составляетъ самую суть дѣла. А суть заключается въ томъ, что дѣятельность тенденціозныхъ земледѣльцевъ направлена на самихъ себя, что — въ противоположность революціонерамъ — ихъ

цѣлью является не измѣненіе тѣхъ или иныхъ общихъ условій существованія ихъ согражданъ, а измѣненіе своего собственнаго настроенія, свое личное совершенствованіе. Вѣдь бѣдные барышни, о которыхъ говоритъ Бѣлинскій, тоже думали своимъ голоданьемъ себя усовершенствовать. Ужъ очень опротивѣлъ имъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ, который только и дѣлалъ, что кушалъ, очень ужъ хотѣлось не походить на него.

III.

Пора, однако, вернуться къ роману.

Итакъ, если въ характерахъ десятка революціонеровъ, обрисованныхъ Степнякомъ, мы не видимъ ни одной положительно дурной черты, это не говоритъ еще о его тенденціозномъ пристрастіи къ своимъ героямъ. Ихъ личнымъ недостаткамъ не было возможности проявляться именно въ тотъ періодъ жизни, въ которомъ беретъ ихъ авторъ. Въ это время у нихъ не было ни личныхъ заботъ, ни отдѣльной личной жизни; она поглощалась жизнью организаціи и подчинялась тому дѣлу, которое вела эта организація. Ихъ личные характеры могли проявляться въ своихъ существенныхъ чертахъ лишь по отношенію къ этому дѣлу, а люди, не относившіеся къ нему безукоризненно, имѣли очень мало шансовъ попасть въ хорошо выработавшуюся организацію. Не было между революціонерами большой разницы и въ нравахъ, манерахъ, обычаяхъ. Попадались, конечно, чудаки, но въ общемъ, манеры и нравы революціонеровъ, поскольку они не обуславливались паспортомъ, той ролью, которую приходилось играть въ интересахъ дѣла, были просто-напросто нравами лучшей части нашего студенчества.

Мы не думаемъ, конечно, заняться разрѣшеніемъ совершенно безплоднаго вопроса о томъ, почему именно не удался автору тѣ или другія изъ его дѣйствующихъ лицъ, но всматриваясь въ его произведеніе, нельзя не замѣтить, какъ не пропорціально мало отведено въ немъ мѣста одному изъ важныхъ элементовъ въ жизни изображеннаго мірка, а именно, умственной, идейной сторонѣ этой жизни. А между тѣмъ, въ умственныхъ фізіономіяхъ революціонеровъ, въ ихъ способахъ мыслить и аргументировать было гораздо больше разнообразія, чѣмъ въ ихъ нравственныхъ фізіономіяхъ, чѣмъ въ ихъ привычкахъ и манерахъ. Къ тому же, именно въ тотъ годъ, къ которому относится дѣйствіе романа, въ послѣдній годъ существованія „Земли и Воли“ предъ ея раздѣленіемъ, теоретическіе „програмные“ вопросы усиленно обсуждались въ средѣ революціонеровъ и чаще обыкновеннаго давали поводъ къ самымъ горячимъ спорамъ. О спорахъ такого рода упоминаетъ и авторъ. Онъ даже рисуетъ въ началѣ романа картину одного изъ такихъ спо-

ровъ и передаетъ намъ изъ него нѣкоторые отрывки, но въ дальнѣйшемъ повѣствованіи едва касается этого элемента въ жизни своихъ героевъ. А между тѣмъ отрывки спора вышли у него очень удачно и умственная фizioномія того изъ собесѣдниковъ, которому онъ позволилъ говорить больше другихъ, оказалась довольно рельефно очерченной на какихъ нибудь двухъ - трехъ страницахъ. Мы приведемъ цѣликомъ этотъ споръ, являющійся отдѣльной, законченной сценкой въ романѣ.

Возвращаясь изъ Швейцаріи, Кожуховъ встрѣчается въ пограничномъ прусскомъ мѣстечкѣ со своимъ старымъ товарищемъ Давидомъ, специалистомъ по революціонной контрабандѣ, который знакомитъ его съ тремя только что переправленными имъ черезъ границу соотечественниками: съ Зацѣпинимъ, молодымъ человѣкомъ двадцати трехъ лѣтъ, членомъ „Земли и Воли,“ отправляющимся на время въ Европу переждать усиленные розыски полиціи; съ Острогорскимъ — господиномъ среднихъ лѣтъ, навсегда переселяющимся за границу изъ долговременной ссылки въ провинціальномъ городкѣ европейской Россіи и со студенткой Вуличъ, скомпрометированной въ университетскихъ беспорядкахъ и ѣдущей учиться въ Швейцарію. Для Андрея интереснѣе другихъ было знакомство Зацѣпина, какъ сочлена по организациіи. Они разговаривали между собой отдѣльно отъ остальной компаніи, пока Зацѣпинъ не выразилъ своего мнѣнія объ одномъ встрѣченномъ имъ въ провинціи кружкѣ :

— Это скопище болтуновъ, колеблющихся между политикой и социализмомъ, объявилъ онъ со своей обычной прямолинейностью. — Они пытаются сидѣть на двухъ стульяхъ, а это не годится по нынѣшнему времени.

Это замѣчаніе заставило Острогорскаго, бывшего страстнымъ спорщикомъ, навострить уши. Маленькій человѣчекъ началъ, заложивъ руки за спину, потихоньку приближаться къ собесѣдникамъ. У него было уже дорогой нѣсколько стичевъ съ Зацѣпинимъ, но онъ жаждалъ еще сразиться. Съ легкой саркастической улыбкой онъ попросилъ позволенія предложить Зацѣпину вопросъ: что именно не годится по его мнѣнію для нынѣшняго времени : сидѣть на двухъ стульяхъ или оставаться социалистомъ ?

Зацѣпинъ рѣзко отвѣтилъ, что онъ ужъ знаетъ, что говорить, и нисколько не сомнѣвается въ томъ, что всѣ называющіе себя революціонерами и уклоняющіеся отъ участія въ настоящемъ революціонномъ дѣлѣ, не болѣе какъ болтуны, если не хуже !

Съ этимъ Острогорскій былъ совершенно согласенъ, но у него было свое собственное опредѣленіе *настоящаго дѣла*. Пренія заинтересовали также Вуличъ, и она подвинулась на край дивана поближе къ спорящимъ. Сперва она слушала, затѣмъ стала вмѣшиваться, и разговоръ сдѣлался всеобщимъ. Одинъ Давидъ остался на своемъ мѣстѣ и лѣниво болталъ ногами, сидя на подоконникѣ.

Начавшійся споръ становился все горячѣе и шумнѣе. И не мудрено, — такъ какъ скоро стало очевидно, что изъ пяти присутствующихъ революціонеровъ-социалистовъ, каждый былъ въ чемъ нибудь не согласенъ со всѣми остальными и ни одинъ не былъ склоненъ къ уступкамъ. Зацѣпинъ былъ отъявленнымъ террористомъ, отличавшимся простотой и прямолинейностью своихъ воззрѣній на всѣ вопросы какъ практики, такъ и теоріи, а также счастливымъ отсутствіемъ малѣйшаго сомнѣнія въ чемъ бы то ни было. Аня Вуличъ была тоже террористкой, — въ теоріи конечно, — хотя и не шла такъ далеко, какъ Зацѣпинъ, съ которымъ она кромѣ того совершенно расходилась въ вопросѣ о социалистической пропагандѣ среди рабочаго класса. Острогорскій и Давидъ оба склонялись къ эволюціонному социализму, но рѣзко расходились между собою по вопросамъ о социалистическомъ государствѣ въ будущемъ и политической дѣятельности въ настоящемъ. Что касается до Андрея, онъ не могъ вполнѣ согласиться ни съ однимъ изъ четырехъ, но пробывши такъ

долго въ революціоннаго теченія, онъ не имѣлъ, казалось, опредѣленной системы и немного колебался. Онъ возражалъ то одному изъ спорящихъ, то его противнику, и въ слѣдующую минуту оба набрасывались на него съ различныхъ сторонъ и кричали ему въ оба уха свои разнорѣчивыя возраженія. Зацѣпинъ былъ сильно раздраженъ поведеніемъ Андрея. Человекъ съ такимъ прошлымъ долженъ бы имѣть болѣе здравыя понятія и безъ пустыхъ околичностей тотчасъ же присоединиться къ настоящему дѣлу.

Прислонившись къ камину, Зацѣпинъ твердо отстаивалъ свою позицію. Онъ долженъ былъ защищаться противъ всѣхъ остальныхъ, старавшихся внушить ему ту мысль, что вѣра въ одинъ терроръ слишкомъ узка для социалиста.

— Такъ я вамъ скажу, что я, *не социалистъ*, объявилъ Зацѣпинъ, наступая на своихъ противниковъ и произнося каждый слогъ отдѣльно, для пущей выразительности.

— Вотъ, именно, вскричалъ Острогорскій торжествующимъ фальцетомъ, — слѣдовательно вы буржуа, сторонникъ угнетенія рабочаго класса капиталистами. *Quod erat demonstrandum!*

Онъ отвернулся отъ своего противника и принялся ходить взадъ и впередъ, напѣвая сквозь зубы, чтобы показать бесполезность дальнѣйшаго разговора.

— Нѣтъ, не буржуа! выкрикивалъ ему вслѣдъ ни мало не смущенный Зацѣпинъ. — Соціализмъ не для нашего времени, вотъ я что говорю. Мы должны бороться съ деспотизмомъ и завоевать политическую свободу. Вотъ и все. А о социализмѣ я забочусь, какъ о выѣденномъ яйцѣ!

— Извините, Зацѣпинъ, вмѣшался Андрей, — но это безразсудно. Вся наша нравственная сила заключается въ томъ, что мы социалисты. Отбросьте социализмъ и наша сила пропадетъ.

— А какое будете вы имѣть право звать рабочихъ присоединиться къ вамъ, если вы не социалисты? вскричала вскакавая съ мѣста Вуличъ.

— Э, толкуйте! протянулъ Зацѣпинъ, презрительно махнувъ рукой. — Все это одна метафизика.

Метафизикой онъ называлъ все то, что не заслуживало по его мнѣнію ни минуты вниманія.

Наша задача, продолжалъ онъ, покрывая своимъ громкимъ голосомъ всѣ остальные голоса, — побороть политическій деспотизмъ, это необходимо прежде всего. Всякій кто любитъ Россію долженъ къ намъ присоединиться, а кто не присоединяется, тотъ измѣнникъ народному дѣлу!

При этомъ онъ посмогъ въ упоръ на Острогорскаго, чтобы тотъ хорошенько замѣтилъ о комъ именно идетъ рѣчь...

Споръ продолжался въ томъ же родѣ, но по мѣрѣ того какъ спорящіе уставали, онъ дѣлался спокойнѣе. За это время всѣ по нѣскольку разъ перемѣнили свои мѣста. Теперь Зацѣпинъ стоялъ у стола, а Острогорскій держалъ его за пуговицу сюртука.

— Дайте мнѣ сказать два слова, чтобы доказать вамъ, Зацѣпинъ, говорилъ онъ сладкимъ убѣдительнымъ тономъ. — Исторія Европы учитъ насъ, что всѣ великія революціи... и онъ принялся пространно развивать свой тезисъ.

Зацѣпинъ слушалъ, слегка нахмуривъ брови и смотря прямо предъ собою; судя по его физиономіи, можно было съ вѣроятностью заключить, что сѣмя мудрости Острогорскаго падало на каменистую почву.

Когда Острогорскій ушелъ, Андрей обрадовался возможности изложить свои взгляды, которые, казалось ему, будутъ приняты всѣми, лишь бы ихъ поняли, такъ какъ въ его старательно выработанной предъ отъѣздомъ программѣ было мѣсто для всего и для всѣхъ. Зацѣпинъ внимательно выслушалъ его.

— Это никуда не годится! отрѣзалъ онъ безъ малѣйшаго колебанія, энергично встряхнувъ головой.

— Почему? спросилъ Андрей.

Зацѣпинъ медлилъ отвѣтомъ. Онъ думалъ, приискивая слова, которыя ясно передали бы его мысль. Его полемическій жаръ остылъ. Андрей былъ товарищъ и намѣревался дѣйствовать. Съ нимъ слѣдовало говорить о сути дѣла, а не просто препираться. Онъ вдругъ покраснѣлъ и на лицѣ его выразилось негодованіе.

— Вы предлагаете, чтобы мы шли рука объ руку съ либералами, сказалъ онъ, мрачно смотря на Андрея. — Но предположите, что они захотятъ, чтобы мы при-

тихли? Что же, мы согласимся? Боже сохрани! Мы будемъ бить, колотъ и стрѣлять, а всѣхъ трусовъ пошлемъ къ чорту!

При послѣднихъ словахъ онъ такъ ударилъ кулакомъ по столу, что чуть не разбилъ его.

— Нѣтъ, Андрей, добавилъ онъ спокойнѣе, — вашъ эклектизмъ не годится.

Вотъ почти все, что мы узнаемъ о Зацѣпинѣ и почти всѣ произнесенныя имъ слова. Послѣ этого онъ исчезаетъ со сцены и появляется на одно мгновение лишь въ послѣдней главѣ, гдѣ ничѣмъ особеннымъ себя не заявляетъ. Тѣмъ не менѣе этихъ немногихъ строкъ оказалось достаточно, чтобы обрисовать намъ умственный складъ Зацѣпина, отчасти потому, конечно, что это ужъ очень простой, очень элементарный складъ.

Зацѣпинъ (онъ бывшій военный) навѣрное зналъ еще въ корпусѣ, что съ врагами должно сражаться, а сражаться значитъ бить, колотить, стрѣлять. Сдѣлавшись революціонеромъ, онъ понялъ, что его враги не турки или нѣмцы, а русское деспотическое правительство. Но понятіе о борьбѣ у него ни мало ни расширилось, осталось буквально то же самое, какое было въ то время, когда онъ воображалъ себѣ врага въ видѣ турка. Бороться съ врагомъ, значитъ „бить, колотъ, стрѣлять“ — а то что же еще? Все кромѣ этого — болтовня или метафизика, не стоящая ни малѣйшаго вниманія. Дѣлать дѣло, значитъ бить, колотъ и стрѣлять, а кто этого не дѣлаетъ, тотъ трусъ или измѣнникъ. Въ спорѣ, поскольку онъ переданъ авторомъ, Зацѣпинъ могъ съ полнымъ правомъ чувствовать себя побѣдителемъ. Онъ вѣритъ въ физическую силу выстрѣловъ, а ему говорятъ, что безъ „болтовни“ о социализмѣ пропадетъ какая-то нравственная сила. Зацѣпинъ чувствуетъ, что можетъ отлично бить и стрѣлять, ровно ничего не зная ни о какомъ социализмѣ. Можетъ онъ — могутъ и другіе, если только они не трусы и не измѣнники. Никто изъ его противниковъ, ни самъ наиболѣе усердный изъ нихъ, Острогорскій, не отрицаетъ возможности побѣдить деспотизмъ единичными убійствами отдѣльныхъ личностей, а разъ допускается эта возможность — Зацѣпинъ правъ, и всѣ аргументы его противниковъ попадаютъ мимо цѣли. Въ особенности — же не можетъ задѣть его, кажущееся Острогорскому столь побѣдоноснымъ, заключеніе, что Зацѣпинъ буржуа. Всякому слишкомъ ясно, что это неправда. Ну, какой онъ буржуа! Его „вѣра“ слишкомъ „узкая“ не то что для социалиста, но и для всякаго, кому необходимо думать, рассуждать и рѣшать. Она слишкомъ узка даже для офицера, и тотъ можетъ попасть въ такое положеніе, когда долгъ заставитъ его обдумать и рѣшить: слѣдуетъ-ли напасть на врага, не обязательно ли, наоборотъ, въ настоящій моментъ, укрѣпившись хорошенъко, звать подкрѣпленіе? Только для простого солдата нужна именно такая узкая вѣра, какъ у Зацѣпина. Тому не полагается ни считать силъ, своихъ или вражьихъ, ни рассуждать, ни рѣшать. И Зацѣпинъ, конечно, не буржуа, а солдатъ — и хорошій солдатъ. Не его дѣло размышлять и рѣшать: можно ли съ малѣйшей надеждой на успѣхъ дать сраженіе. Но разъ сраженіе рѣшено, онъ будетъ однимъ изъ лучшихъ его участниковъ.

Зацѣпинъ единственное лицо въ романѣ, взглядъ котораго на дѣ-

ло очерченъ болѣе или менѣе цѣльно. Но такихъ какъ Зацѣпинъ было немного въ движеніи, по крайней мѣрѣ, въ ту эпоху, къ которой относится дѣйствіе романа. „— Это одинъ изъ немногихъ оригиналовъ“, говоритъ про него Давидъ, оставшись наединѣ съ Андреемъ. — „У остальныхъ другой пунѣтъ помѣшательства, и ихъ пророкомъ является Георгъ“ (другъ Андрея, редакторъ революціоннаго органа). Зацѣпинъ не можетъ, слѣдовательно, служить представителемъ революціонной мысли того времени или, во всякомъ случаѣ, можетъ служить лишь образчикомъ минимума идейности въ средѣ революціонеровъ.

Одной изъ самыхъ удачныхъ, всего живѣе рисующихся предъ воображеніемъ читателя личностей романа, является самъ Давидъ. *) Мы узнаемъ его цѣликомъ съ его манерами, съ его увлеченіемъ своей спеціальностью, съ его умственнымъ складомъ, узнаемъ кое что и о его взглядахъ.

Но по своимъ общимъ взглядамъ, Давидъ не только „одинъ изъ немногихъ“, а совершенно исключительная личность. Андрей говоритъ про него, что онъ единственный космополитъ среди революціонеровъ.

Другимъ изъ болѣе удачныхъ лицъ романа является Василій Вербицкій. Давидъ—оригинальный характеръ. Василій—типъ, не рѣдко встрѣчавшійся среди нигилистовъ. Мы не могли бы указать никакой опредѣленной личности во всемъ похожей на Василю и тѣмъ не менѣе намъ знакома въ немъ каждая черта, каждое движеніе. Мы ничего не знаемъ объ его общихъ взглядахъ, но мы чувствуемъ, что наше незнаніе происходитъ не вслѣдствіе умалчваній со стороны автора, а просто потому, что Василій никогда и не принималъ участія въ разговорахъ и спорахъ общаго характера. И не только не говорилъ онъ объ общихъ вопросахъ, онъ ими и не интересовался. Своимъ товарищамъ, своей организаціи, вообще революціонному движенію онъ былъ преданъ безгранично, но его, разъ навсегда, составленныя революціонныя убѣжденія состояли изъ краткихъ аксіомъ, не требовавшихъ по самому характеру его ума ни дальнѣйшаго развитія, ни разъясненія. Этому отсутствію интереса къ общимъ программнымъ вопросамъ содѣйствовала его безграничная скромность. Отдавая всѣ помыслы и заботы практическимъ подробностямъ тѣхъ дѣлъ, которыя ему поручались, онъ во всемъ остальномъ полагался на рѣшеніе и авторитетъ товарищей, которыхъ ставилъ неизмѣримо выше себя. Люди такого типа обыкновенно лишены инициативы. Чтобы попасть въ революціонное движеніе имъ необходимо столкнуться съ революціонерами, привязаться къ нимъ и подпасть подъ ихъ вліяніе. Но разъ попавши въ движеніе, они остаются вѣрны до конца. По своей добротѣ, по привязчивости, не требующей никакой взаимности, по неспособности цѣнить свою личность, такіе люди, оставаясь въ обычной средѣ, заслуживаютъ, обыкновенно, названіе добряковъ, пожалуй,

*) Революціонерамъ, дѣйствовавшимъ въ то время, онъ напоминаетъ одного товарища, о которомъ каждый знавшій его, навѣрное, сохранилъ самое лучшее, самое симпатичное воспоминаніе.

простаковъ. Ктонибудь ихъ непременно эксплуатируетъ, ктонибудь ими да помыкаетъ. На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ, а люди этого типа слишкомъ удобные караси. Въ революціонной организаціи, отдаваясь общему дѣлу, подчиняясь людямъ, не преслѣдующимъ никакихъ личныхъ цѣлей, они могутъ сдѣлаться героями.

Вполнѣ законное при изображеніи Василя, такое же полное опущеніе всего, касающагося до отношенія личности къ общимъ вопросамъ революціоннаго движенія, кажется намъ вопіющимъ нарушеніемъ всякой перспективы при обрисовкѣ Георга, котораго Давидъ называетъ „пророкомъ“ революціонной молодежи. Съ одной стороны, а именно со стороны его отношенія (самаго рыцарскаго) къ женщинамъ, Георгъ обрисованъ довольно живо и симпатично. Если бы мы могли представить себѣ, что эта сторона является самой выдающейся въ его характерѣ, что его рыцарскія увлеченія составляютъ поглощающій интересъ его жизни, мы легко дорисовали бы себѣ остальные черты его характера. Но намъ говорятъ, что это „пророкъ“, умственный руководитель большинства революціонеровъ. Онъ главный писатель партіи, редакторъ ея органа. Авторъ сообщаетъ намъ, что онъ блестящимъ образомъ ведетъ теоретическіе диспуты (но не даетъ и кусочка такого диспута). Все это не позволяетъ уже намъ живо представить себѣ Георга даже и съ той стороны, которая обрисована, и дѣлаетъ всю его фигуру неясной и какой-то однобокой.

Главный герой романа, Кожуховъ, постоянно остающійся на сценѣ, тогда какъ другіе то появляются, то исчезаютъ, говорятъ въ общей сложности больше кого бы ни было изъ другихъ дѣйствующихъ лицъ. Но то, что мы слышимъ изъ его рѣчей, въ большинствѣ случаевъ, не соответствуетъ тому, что авторъ говоритъ отъ себя о своемъ героѣ, которому онъ приписываетъ трезвый умъ, отсутствіе слишкомъ живого воображенія, положительность и хладнокровіе. Между тѣмъ изъ разговоровъ самого героя, когда авторъ даетъ ему слово по скольконибудь общему вопросу, мы могли бы вывести скорѣе обратное заключеніе,—что это человѣкъ, живущій исключительно чувствомъ, съ такимъ преобладаніемъ воображенія надъ разсудкомъ, что образы и сравненія играютъ выдающуюся роль въ его аргументаціи, замѣняютъ для него резоны и основанія. Но можно сдѣлать и другое предположеніе. Два спора, отчасти общаго характера, въ которыхъ авторъ даетъ поговорить своему герою (намъ придется еще вернуться къ одному изъ этихъ споровъ), велись при такихъ обстоятельствахъ, когда Кожухову было совершенно естественно не хотѣть серьезно спорить и стараться лишь о томъ, чтобы отдѣлаться отъ своего собесѣдника. Они приведены, очевидно, больше для характеристики не его, а этихъ собесѣдниковъ, и ихъ они дѣйствительно характеризуютъ до нѣкоторой степени, но въ то же время скорѣе затемняютъ, чѣмъ выясняютъ личность самого героя. Его разговоръ съ женой о царевубійствѣ тоже ведется въ слишкомъ исключительномъ положеніи и настроеніи, чтобы характеризовать чтонибудь кромѣ именно этого положенія и настроенія.

Авторъ не сообщаетъ намъ размышленій, сужденій Кожухова да-

же по вопросу о царубійствѣ, сыгравшему такую роковую роль въ судьбѣ героя. Онъ и тутъ знакомитъ насъ лишь съ его чувствами. Но въ данномъ случаѣ мы легко могли бы удовольствоваться представлениемъ о неодолимой жадѣ мести и самопожертвованія, зародившейся въ душѣ Андрея подъ впечатлѣніемъ казни друзей. Эти чувства достаточно мотивировали бы для насъ его рѣшеніе. Но авторъ не позволяетъ читателю остановиться на такомъ представленіи. Онъ увѣряетъ насъ, что Андрей строго и безпристрастно обсудилъ вопросъ о пользѣ и своевременности царубійства для освобожденія страны. А самъ герой говоритъ, что жизнь дорога ему, дороже чѣмъ когда либо, и лишь долгъ предъ страной, предъ народомъ, заставляетъ его идти на царя. Все это возбуждаетъ въ читателѣ желаніе узнать: какихъ именно результатовъ для страны, для народа ждетъ Андрей отъ царубійства? Но вопросъ остается безъ отвѣта. Андрею нельзя приписать того простого, Зацѣпинскаго представленія, по которому всякое убійство во вражьемъ лагерѣ несомнѣнно полезно, потому что это борьба, а борьба ведетъ къ побѣдѣ. Онъ убѣдился уже въ полнѣйшемъ безсиліи террора, направленнаго на генераловъ и чиновниковъ. „Сколько бы ихъ ни перебили, думаетъ онъ, гнусное зданіе деспотизма отъ этого не пошатнется. На каждый ударъ правительство всегда можетъ отвѣтить десятью и революція вырождается въ мелкую борьбу между полиціей и конспираторами.“ Онъ, очевидно, не ждетъ паденія гнуснаго зданія и отъ убійства царя, такъ какъ увѣренъ, что за этимъ убійствомъ послѣдуютъ казни, много казней, слѣдовательно, борьба будетъ продолжаться. Чѣмъ же будетъ она, какъ не борьбой между полиціей и конспираторами? Читатель остается въ недоумѣніи, и это недоумѣніе вредитъ до нѣкоторой степени даже полнотѣ впечатлѣнія трагической развязки, какою является покушеніе на царя въ личной судьбѣ Андрея и Тани. Мы не чувствуемъ роковой, безусловной необходимости для Андрея его рѣшенія. У насъ остается смутное ощущеніе произвола съ его стороны, представленіе о томъ, что онъ могъ бы, пожалуй, и не ходить, могъ бы и уступить Танѣ . . .

IV.

Мы отмѣтили уже всѣ стороны романа, показавшіяся намъ слабыми, но не говорили еще достаточно о его главнѣйшемъ достоинствѣ. Если автору и не вполне удалось нѣкоторыя изъ его дѣйствующихъ лицъ, за то въ романѣ ярко отпечатлѣлось нѣчто болѣе важное и интересное, чѣмъ типы и характеры отдѣльныхъ личностей. Въ немъ есть такой коллективный герой, ни одной черты котораго не было еще отмѣчено въ русской литературѣ. Это тотъ революці-

онный духъ, различными проявленіями котораго проникнуто все со-
держаніе романа.

Въ чемъ заключается суть этого духа? По нашему мнѣнію не въ
чемъ иномъ, какъ въ жаждѣ дѣятельности, для осуществленія общихъ
цѣлей, вытекающихъ изъ усвоенныхъ человѣкомъ воззрѣній — въ
Thatlust, какъ говорятъ нѣмцы.

Мы не скажемъ, разумѣется, вмѣстѣ съ Зацѣппнымъ, что рево-
люціонеромъ можетъ считаться лишь тотъ, кто идетъ бить и стрѣ-
лять. Во время возстанія, въ моменты массовой, открытой борьбы
съ правительствомъ мѣсто cadaго революціонера, конечно, на ули-
цѣ, впереди толпы и съ оружіемъ въ рукахъ. — Только Россія еще
не переживала такихъ моментовъ.

Но ужъ во всякомъ случаѣ не имѣетъ права считать себя ре-
волюціонеромъ человѣкъ, прекрасно усвоившій самые вѣрные и са-
мые революціонные взгляды, отлично понимающій какого рода дѣя-
тельность необходима въ данный моментъ, но считающій лично для
себя всякую дѣятельность невозможной или откладывающій ее въ
неопредѣленное будущее. У кого при мысли о дѣятельности тот-
часъ - же вырастаютъ предъ глазами тысячи неодолимыхъ препят-
ствій, невозможностей и затрудненій, тотъ еще не революціонеръ, а
мирный обыватель, какъ бы революціонны ни были его взгляды. Нѣтъ
человѣка, который не могъ бы *ничего* сдѣлать при дѣйствительномъ горя-
чемъ желаніи дѣйствовать. Разъ всякія личныя и частныя обстоятель-
ства мѣшаютъ человѣку дѣлать хоть что нибудь для общихъ цѣлей,
въ немъ нѣтъ еще серьезной потребности дѣйствовать, нѣтъ того
революціоннаго духа, малѣйшей искры котораго достаточно, чтобы
уничтожить всѣ личныя препятствія къ дѣятельности.

Въ романѣ Стевняка мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ этой
жаждой дѣятельности, выражающейся какъ въ самыхъ скромныхъ,
невидныхъ и неслышныхъ, такъ и въ самыхъ яркихъ и громкихъ
фактахъ. Революціонный духъ живетъ несомнѣнно въ сестрахъ Ду-
доровыхъ, отдавшихъ на дѣло все свое имущество до послѣдней ко-
пѣйки, и отправляющихся съ цѣлью пропаганды въ деревню въ ка-
чествѣ сельскихъ учительницъ. Подъ вліяніемъ этого духа поступилъ
студентъ, къ которому по ошибкѣ вошли жандармы, имѣвшіе при-
казъ арестовать жившаго этажемъ выше нелегальнаго революціоне-
ра. Догадавшись въ чемъ дѣло, студентъ постарался поддержать
ошибку жандармовъ и пожертвовалъ свободой (у него нашли руко-
пись революціоннаго содержанія) ради спасенія человѣка, котораго
считалъ полезнѣе себя, хотя и чувствовалъ къ нему личную анти-
патію. Этотъ духъ двигалъ десятками молодыхъ революціонеровъ,
рѣшившихся освободить печальнымъ нападеніемъ приговоренныхъ къ
смерти и онъ же побудилъ рабочихъ отдать свои паспорта, чтобы
облегчить бѣгство разыскиваемыхъ революціонеровъ. Съ начала и
до конца романъ переполненъ этими все болѣе и болѣе интенсивны-
ми проявленіями революціоннаго духа, заканчивающимися покушеніемъ
на жизнь царя. Но онъ все же не захватываетъ всей области про-
явленій этого духа. Въ немъ не затронуты первые, самые элементар-
ные шаги, говорящіе о пробужденіи жажды дѣла въ молодежи, на-

ходящейся, такъ сказать, еще въ подготовительномъ классѣ революціи.

Съ чего начинали въ былыя времена молодые нигилисты, будущіе революціонеры, усвоившіе такъ или иначе, въ одиночку, или въ кружкахъ самообразованія революціонныя взгляды и симпатіи? Съ того, что отдавали на дѣло, какому нибудь товарищу, уже вступившему въ сношенія съ революціонерами, свои маленькіе гроши, даже не зная точно и не считая себя въ правѣ узнавать, на что, именно, они будутъ употреблены; съ того, что бѣгали на посылкахъ у своихъ болѣе близкихъ къ дѣйствующимъ кружкамъ товарищей — „служили революціи ногами“, какъ выражалась одна моя молоденькая пріятельница, бѣгавшая верстъ по десяти въ сутки по разнымъ порученіямъ, которыя непременно показались бы каждому благоразумному юношѣ, предназначенному судьбою въ благополучные Россіи, слишкомъ мелкими для его особы. И рѣдкіе, очень рѣдкіе изъ прославившихся впослѣдствіи видныхъ дѣятелей, не начинали своей революціонной карьеры именно съ такой очень мелкой дѣятельности. Тотъ кто считалъ себя выше ее, кто, отказываясь отъ мелочей, готовилъ себя, какъ ему казалось, къ будущимъ крупнымъ дѣламъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ никогда не доходилъ — ни до какихъ, кромѣ личныхъ — ни до крупныхъ, ни до мелкихъ дѣлъ. Кто не способенъ на мелкія жертвы, едва ли будетъ когда либо способенъ на крупныя. Впрочемъ, ни въ мелкомъ, ни въ крупномъ: *жертва, самопожертвованіе* — слова, въ сущности, не соответствующія дѣйствіямъ революціонеровъ. И въ маленькомъ, и въ большомъ, то что могло казаться жертвой для спокойныхъ и мирныхъ обывателей, для нихъ составляло наслажденіе. Не жертву приносилъ молоденькій студентъ или дѣвушка, отдавая на дѣло тѣ деньги, которыя раньше употребляла на лучшій обѣдъ, на театръ, на лишнее платье, а обмѣнивали эти обѣды и платье на безконечно большее наслажденіе чувствовать, что сдѣлалъ нѣчто, хотя и очень, очень маленькое для того великаго и общаго, которому еще не умѣетъ, но стремится отдать всѣ свои силы будущій революціонеръ. Каждая дѣятельности, получавшая все большее и большее удовлетвореніе по мѣрѣ того, какъ юноша пріобрѣталъ больше умѣнья и опытности, дѣлала революціонеровъ счастливейшими людьми въ Россіи, какъ ни казалось ужаснымъ ихъ положеніе людямъ, смотрѣвшимъ со стороны. Прямо изъ жизни выхвачена сцена въ романѣ Степняка, гдѣ нѣсколько нелегальныхъ революціонеровъ, собравшихся у либеральнаго адвоката, не могутъ удержаться отъ веселаго хохота, когда хозяинъ начинаетъ изображать сострадательнымъ тономъ ихъ печальную судьбу.

Въ моментъ, изображенный въ романѣ, революціонное настроеніе молодой русской интеллигенціи вторично достигло, послѣ небольшого перерыва въ 74 году, высшаго предѣла, какой только возможенъ для подобнаго движенія. Ни по интенсивности революціоннаго настроенія, ни по разливу его среди молодежи, ничтожный по численности слой, выславшій революціонныя силы, не могъ дать ничего большаго. И, въ противоположность движенію 73-го года, на этотъ

разъ неопытной молодежью руководила сильная организація испытанныхъ нелегальныхъ конспираторовъ.

Куда же дѣвалась эта сила? Отчего, такъ быстро оправившееся послѣ массоваго погрома 74-го года и вынесшее изъ этого погрома безцѣнное приобрѣтеніе *нелегальныхъ* организацій, революціонное движеніе съ каждымъ годомъ все полиће и полиће утрачиваетъ на этотъ разъ самое воспоминаіе о такихъ организаціяхъ, въ которыхъ только и заключалась вся его практическая, конспиративная сила? Отчего исчезаетъ среди русской образованной молодежи самая жажда дѣла — тотъ революціонный духъ, естественнымъ концомъ котораго могъ бы быть лишь разливъ его въ рабочей массѣ и побѣда надъ самодержавіемъ?

V.

„Отъ пораженія къ пораженію оно (дѣло, за которое умеръ герой) идетъ впередъ къ окончательной побѣдѣ, которая въ этомъ печальномъ мірѣ не можетъ быть приобрѣтена иначе, какъ страданіями и жертвами немногихъ избранныхъ.“ Таково размышленіе, которымъ заканчивается романъ,—очень парадоксальное размышленіе, или недосказанное. Ни пораженія, ни гибель избранныхъ сами по себѣ еще не ведутъ къ побѣдѣ. Отъ пережившихъ зависить, чтобы эти пораженія и эта гибель не остались безплодными, а послужили для нихъ полезнымъ урокомъ, научили избѣгать прежнихъ ошибокъ и бороться успѣшнѣе.

Изъ самого содержанія романа Степняка видна вся неизбежность общаго пораженія революціоннаго движенія, даже при цѣломъ рядѣ удачъ во всѣхъ частныхъ предпріятіяхъ, именно вслѣдствіе „избранности“ — изолированности революціонеровъ и полной невозможности дальнѣйшаго роста силъ на томъ пути, на который вступали они въ изображенный имъ моментъ.

Герой романа пріѣхалъ изъ за-границы съ намѣреніемъ идти рука объ руку съ либералами, и вотъ что говорилъ ему предъ концомъ его жизни одинъ изъ лучшихъ людей этого рода, либеральный адвокатъ Рѣпинъ (отецъ Тали), находившійся въ прекрасныхъ личныхъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ нелегальныхъ революціонеровъ и не разъ оказывавшій имъ услуги.

Недовольный отказомъ Андрея уѣхать на время съ женой за границу, Рѣпинъ даетъ волю своему недовольству терроромъ вообще:

„Онъ говорилъ о бесплодности ихъ успій, о безразсудности вызововъ правительству, усиливающихъ деспотизмъ, противъ котораго они направлены, о томъ, что революціонеры дѣлаютъ совершенно невыносимой жизнь всей образованной Россіи, которая, утверждалъ Рѣпинъ, тоже имѣетъ право на существованіе.

„Вначалѣ Андрей защищался полумутя. Онъ привыкъ къ нападкамъ Рѣпина,

но предметъ разговора былъ слишкомъ близокъ, чтобы не волновать его и послѣднее обвиненіе его взорвало.

— „Я знаю, сказалъ онъ, что ваша образованная, либеральная Россія очень заботится о своемъ правѣ на существованіе, а также и о своемъ комфортѣ. Было бы гораздо лучше для страны, если бы она поменьше объ этомъ заботилась.

— „Такъ вы бы хотѣли, чтобы мы всѣ вышли на улицу и начали бросать бомбы всѣмъ проходящимъ полицейскимъ? спросилъ иронически Рѣпинъ.

— „Что за бессмыслица! горячился Андрей. Вамъ нѣтъ надобности бросать бомбы; боритесь своимъ собственнымъ оружіемъ. Но боритесь же, если вы люди. Будемъ бороться сообща. Мы будемъ тогда достаточно сильны, чтобы низвергнуть деспотизмъ. Но пока вы ползаете и хныкаете, вы не имѣете права упрекать насъ за то, что мы не лежемъ бьющей насъ руки. Если въ своемъ слѣдомъ бѣшенствѣ правительство распространяетъ и на васъ преслѣдованія, можете разодрать свои одежды и поспать головы пепломъ, но помните, что вамъ достается по заслугамъ. Нечего жаловаться, это и недостойно и совершенно бесполезно, хотя бы вы охрипли отъ проклятій, упрековъ и жалобъ, мы не обратимъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія.

— „Кто говоритъ объ упрекахъ? сказалъ Рѣпинъ, нетерпѣливо махнувъ рукой. Лично вы, быть можетъ, и правы, теряя разсудокъ вслѣдствіе исключительныхъ преслѣдованій. Но это могло бы служить оправданіемъ для отдѣльнаго преступника предъ судомъ присяжныхъ, а не для политической партіи предъ общественнымъ мнѣніемъ. Если вы хотите служить своей странѣ, вы должны умѣть сдерживать свои страстные порывы, если они не могутъ привести ни къ чему кромѣ пораженій и бѣдствій.

— „Пораженій и бѣдствій! воскликнулъ Андрей. — Увѣрены ли вы въ этомъ? Отъ копѣчной свѣчи Москва сгорѣла, а мы бросили въ сердце матушки Россіи дѣлую головню. Никто не можетъ предвидѣть будущаго, или быть отвѣтственнымъ за то, что въ немъ скрывается. Мы дѣлаемъ, что можемъ, въ настоящемъ; мы показали примѣръ мужественной борьбы, который никогда не пропадаетъ для пораженной страны. Мы возвратили русскимъ самоуваженіе, спасли честь русскаго имени, которое перестало быть синонимомъ раба.

— „Тѣмъ что показали отсутствіе въ русскихъ способности къ чему бы то ни было, кромѣ такихъ жалкихъ нападеній на отдѣльныя личности? Этимъ что ли?

— „А кто виноватъ? отпарировалъ Андрей, раздраженный тономъ Рѣпина. Никакъ не мы, а либеральная Россія, которая держится въ сторонѣ отъ борьбы за свободу, тогда какъ мы, ея дѣти, боремся и погибаетъ тысячами.

„Андрей не относилъ своихъ словъ лично къ Рѣпину, который составлялъ исключеніе изъ общаго правила. Но по той или другой причинѣ Рѣпинъ живо почувствовалъ упрекъ.

— „Допустимъ, что это такъ, сказалъ онъ уже другимъ тономъ. — Мы, такъ называемое общество, всѣ трусы. Но такъ какъ вамъ насъ не передѣлать, вы должны признать это за существующій фактъ. Тѣмъ болѣе для васъ причинъ не разбивать головы о стѣну.

— „Наше положеніе не такъ безнадежно, отвѣчалъ смягчившійся Андрей. Мы рассчитываемъ не на одно общество и надѣемся, что оно тоже исправится со временемъ, когда въ него волеется новая кровь.“

Надо признаться, что если Андрей и недурно нападаетъ на либерала, то отражаетъ его нападенія какъ нельзя хуже. Невозможно, однако, ставить ему этого въ вину. Разговоръ происходитъ за нѣсколько дней до покушенія. При такихъ обстоятельствахъ совершенно естественно отдѣливаться туманными фразами отъ человѣка, съ которымъ нельзя пускаться въ откровенности.

Въ разговорѣ съ женой онъ, конечно, совершенно откровененъ. Но хотя авторъ и говоритъ намъ, что Андрей сообщилъ Танѣ всѣ основанія своего рѣшенія и даже повліялъ на ея умъ, но приводитъ онъ относительно царевѣйства лишь слѣдующія строки изъ ихъ разговора: „Что выиграла бы страна, спрашиваетъ Андрей, если бы

мы не отвѣчали ударами на удары и продолжали учить и проповѣдовать по закоулкамъ, какъ предлагаетъ Лена? (горячая сторонница пропаганды). Они, правда, не вѣшали бы насъ. Но какая была бы изъ этого польза? Насъ арестовывали бы, ссылали въ Сибирь, оставляли бы гнить по тюрьмамъ и этимъ также точно прерывали бы нашу работу на пользу народа какъ и теперь. Намъ не дадутъ свободы въ награду за хорошее поведеніе. Мы должны бороться за нее тѣмъ оружіемъ какое имѣемъ. Разъ намъ приходится страдать, то чѣмъ больше тѣмъ лучше. Наши страданія будутъ для насъ новымъ оружіемъ. Пусть они вѣшаютъ, разстрѣливаютъ, убиваютъ насъ въ своихъ подземныхъ казематахъ! Чѣмъ жесточе будутъ поступать съ нами, тѣмъ больше будетъ у насъ послѣдователей. Я желалъ бы заставить ихъ разорвать меня на части или сжечь живого на медленномъ огнѣ среди площади.“

Это, конечно, не результатъ безпристрастнаго размышленія, а скорѣе выраженіе той жажды мученичества, которая охватила Андрея въ моментъ безмолвнаго прощанья, съ идущими на казнь друзьями. Но, не зная его размышленій, мы все же имѣемъ право вывести, какъ изъ этихъ словъ, такъ и изъ его разговора съ Рѣпнинымъ, то заключеніе, что пользу террорстическихъ фактовъ, царубійства въ особенности, онъ видитъ въ примѣрѣ борьбы, въ впечатлѣніи на публику, какъ самихъ фактовъ, такъ и казней революціонеровъ.

Но на кого могли дѣйствовать эти примѣры и впечатлѣнія?

Ужъ, конечно, не на либераловъ, хотя бы и самыхъ лучшихъ. Съ политической стороны, либералы радовались убійствамъ разныхъ ненавистныхъ „столповъ отечества“, пока не чуяли реакціи со стороны правительства. При реакціи — огорчались. Со стороны эстетической, какъ люди съ развитымъ вкусомъ, понимающіе „прекрасное“, гдѣ бы и въ чемъ бы оно не проявлялось, они могли любоваться энергіей революціонеровъ, могли, какъ Рѣпинъ, чувствовать уваженіе и симпатію къ ихъ личностямъ. Но и только. Они, во всякомъ случаѣ, самые безнадежные. Все они знаютъ, обо всемъ слышали и все пережили въ своемъ представленіи; ихъ ужъ не передѣлаешь никакими примѣрами и никакими страданіями. Этого не могъ же чувствовать знавшій ихъ Андрей. Неизвѣстно, что подразумѣвалъ онъ подъ „вливаніемъ“ въ нихъ „новой крови“, но при той крови, какая имѣлась, самые разительные примѣры и самыя лютыя казни могли вызывать въ либералахъ лишь самый лютый страхъ и горячее желаніе запрятаться какъ можно подальше.

На кого же рассчитывалъ Андрей подѣйствовать своимъ примѣромъ и своими страданіями?

Очевидно, не на ту толпу, которая „упившись вполне и ликорадошной дрожью ожиданія, и замираніемъ ужаса, и тѣмъ оцѣпенѣлымъ недоумѣніемъ и грустью, которыя наступаютъ послѣ подобныхъ зрѣлищъ....“ возвращалась съ казни революціонеровъ съ тѣмъ равнодушнымъ видомъ, который заставилъ Андрея спросить себя: сколько въ толпѣ людей, „которые вынесли изъ зрѣлища только лучшій аппетитъ къ ожидающему ихъ обѣду?“ Не могъ же онъ предполагать, что причина равнодушія толпы заключается въ недо-

статочной мучительности казни. Онъ слышалъ разговоры этой толпы, доказывавшіе ея полнѣйшее незнаніе: въ чемъ тутъ дѣло?

Господа съ господами ссорятся . . . Казнятъ колдуновъ, которые умѣютъ въ вотовъ оборачиваться . . . Что кромѣ любопытства могла вызвать въ толпѣ казнь людей до такой степени ей невѣдомыхъ, хотя бы, сама по себѣ, эта толпа и была способна къ горячему сочувствію людямъ преслѣдуемымъ за извѣстное и понятное ей дѣло?

По всему вѣроятію, съ мыслями о мужественномъ примѣрѣ, никогда не пропадающемъ для поращенной страны, о страданіяхъ революціонеровъ, увеличивающихъ число ихъ послѣдователей, у Андрея связывалось чисто отвлеченное представленіе о силѣ примѣра и страданія. Быть можетъ, во время его горячей защиты предъ Таней своего рѣшенія, у него мелькнуло воспоминаніе о фанатизмѣ вызываемомъ религіозными преслѣдованіями, о казняхъ христіанскихъ мучениковъ, такъ сильно содѣйствовавшихъ распространенію христіанства. Но онъ не подумалъ при этомъ, что въ толпѣ, смотрѣвшей на тѣ казни, были разсыпаны многочисленные проповѣдники и исповѣдники, говорившіе ей о той вѣрѣ, за которую казнили мучениковъ. Тамъ же, гдѣ христіанство еще недостаточно распространилось и проповѣдниковъ было мало, казни христіанъ производили на толпу того времени точно такое же дѣйствіе и такъ же нравились ей, какъ и гладіаторскіе бои.

Примѣръ террористическихъ подвиговъ могъ дѣйствовать лишь на людей уже проникнутыхъ революціоннымъ духомъ: все на ту же, и безъ того возбужденную революціонную молодежь, да на немногихъ рабочихъ, уже успѣвшихъ сдѣлаться революціонерами. Но борьба не въ рядахъ и строю, не рука объ руку съ товарищами, а убійства въ одиночку не могутъ привлечь много силъ, какою бы ни пользовались они популярностью. Это слишкомъ мрачный родъ борьбы. Какой бы восторгъ ни возбуждалъ онъ со стороны, — чтобы пойти самому на такое убійство, нужно обладать исключительной силой воли, или находиться въ исключительномъ настроеніи: въ припадкѣ болѣзненнаго славолубія Гольденберга, или въ такомъ состояніи, когда жизнь потеряла для человѣка всякую привлекательность, но онъ предпочитаетъ отдѣлаться отъ нея не безъ пользы для партіи. И на самомъ дѣлѣ, за все время популярности такихъ одиночныхъ нападеній охотниковъ до нихъ нашлось не болѣе десятка.

Что же касается до различныхъ приготовленій къ царубійству: динамитныхъ мастерскихъ, подкоповъ и пр., то эти дѣла требовали такой ловкости, умѣнья и выдержки, что ими почти исключительно занималась одна и та же небольшая группа старыхъ (не по годамъ, конечно, а по революціонной опытности) конспираторовъ.

Въ остальной массѣ революціонеровъ политическія убійства возбуждали не подражаніе, а лишь страстныя, но неосуществимыя мечты и восторги. Но въ то же время предъ блескомъ террористическихъ подвиговъ тускнѣли въ ея глазахъ всѣ другія отрасли революціонной дѣятельности, все кромѣ террора теряло постепенно всякую привлекательность, переставало считаться революціоннымъ. Такимъ образомъ, самую силою производимаго впечатлѣнія терроръ еще болѣе

суживалъ и безъ того узкій потокъ революціоннаго движенія, самою интенсивностью проявленій борьбы подкапывалъ почву подъ дѣйствительнѣйшимъ развитіемъ этой борьбы.

А между тѣмъ, изъ того же романа Степняка видно, что у революціоннаго теченія были уже хотя еще и слабые шансы выбиться на широкій просторъ, найти неисчерпаемый источникъ новой силы.

Вокругъ зданія суда, рассказываетъ намъ авторъ, въ день прознесенія приговора надъ казненными потомъ революціонерами собиралась толпа. Полицейскіе разгоняли ее, но она снова собиралась и все увеличивалась. Вечеромъ, послѣ закрытія фабрикъ, къ ней присоединились рабочіе. Усталые полицейскіе уже не были въ состояніи разогнать народъ, и предоставили, наконецъ, толпу самой себѣ. Тутъ собрались самые безпокойные элементы населенія, а передній рядъ былъ почти сплошь занятъ нигилистами.

— „Всѣмъ смертная казнь“, закричали этой толпѣ изъ залы суда.

„Въ отвѣтъ послышался угрожающій ревъ... Полицейскій офицеръ, охранявшій зданіе снаружи, вбѣжалъ въ залу и бросился къ предсѣдателю. Послѣдній отдалъ приказъ двинуть войска и разогнать толпу во что бы то ни стало. Кровавое столкновение казалось неизбежнымъ. Но его не случилось. Самые крайніе элементы, — организованные революціонеры, не желали вооруженнаго столкновения, которое могло только помѣшать успѣху ихъ болѣе серьезной попытки отбить приговоренныхъ нечаяннымъ нападеніемъ.

„Манифестація произошла сама собой и была сдѣлана, главнымъ образомъ, посторонними людьми подъ впечатлѣніемъ минуты. Это было хорошо, но не надо было заходить далеко.“

Революціонеры сдержали толпу и столкновение не произошло.

Мы не знаемъ точъ въ точъ такого случая въ дѣйствительности. Беспорядки около зданія суда произошли въ Одессѣ въ Іюль 1878-го года, при прознесеніи смертнаго приговора надъ Ковальскимъ. Но при этихъ беспорядкахъ не было, да и быть не могло по настроенію того момента, сдерживающаго вліянія со стороны революціонеровъ. Тѣмъ не менѣе авторъ вовсе не погрѣшилъ противъ духа истины своимъ рассказомъ. Лѣтомъ 78-го года терроръ былъ еще въ зародышѣ, а въ непосредственно предшествовавшее ему время демонстраціи пользовались значительной популярностью среди революціонеровъ. Но по мѣрѣ того, какъ политическія убійства и вообще чисто конспиративная, изолированная дѣятельность начала сосредоточивать на себѣ всѣ симпатіи революціонеровъ, когда они постепенно увѣрвали въ свою отдѣльную отъ народа и отъ всякой толпы матеріальную, военную силу и, будучи по природѣ своей дрожжами, вообразили себя опарой, такое предпочтеніе лишняго шанса для своего конспиративнаго предпріятія движенію толпы на ихъ защиту стало вполне возможнымъ.

Въ сущности же, самое ничтожное движеніе уличной толпы за революціонеровъ гораздо террористичнѣе, страшнѣе для правительства — для системы, если не для отдѣльныхъ личностей — всякаго политическаго убійства. Убитые рядовые, уличные люди страшнѣе

казненных революционеров, хотя первые могли бы быть самыми пустыми людьми, а революционеры представлять каждый в отдельности значительную силу по своим личным качествам. Они страшнее потому, что раз они появились, их возможного завтра же числа не выдаст никакой Гольденберг, не выследит и не вычислит никакой Судейкин. Они страшнее потому, что с ними против правительства встает нечто невѣдомое и могущее расти до бесконечности. Рядовые улицы, погибшие в кровавом столкновении с козаками, были бы гораздо понятнее и большей, бессмысленной, по изображению автора, толпы, смотревшей на казнь. Улица, участвовавшая в столкновении, объяснила бы ей их значение. Нашлись бы рассказчики, за которыми не уследишь, которым не завяжешь рта именно по их неизвестности и незначительности.

Другим еще болѣе важным шансом для революціоннаго движенія, приобрести такую широкую основу, при которой его уже не могли бы уничтожить никакія преслѣдованія правительства, было развитіе рабочаго дѣла въ Петербургѣ.

Въ романѣ эта сторона движенія остается на самомъ заднемъ планѣ. Ни одинъ рабочій не появляется на сценѣ, — о нихъ только говорится. Даже на собраніи кружка, специально обсуждающаго рабочее дѣло, не присутствуетъ ни одинъ рабочій. Вообще, насколько упоминается о рабочихъ, они являются лишь пассивнымъ объектомъ воздѣйствія пропагандистовъ. На самомъ дѣлѣ, въ эпоху, изображенную въ романѣ, т. е. въ первое время террора рабочее движеніе въ Петербургѣ было гораздо самостоятельнее и уже выставило не мало выдающихся людей, никакъ не уступавшихъ лучшимъ революціонерамъ изъ высшихъ классовъ.

Но даже и изъ того, что говорится въ романѣ, все таки оказывается, что отъ революціонеровъ ничего не требовалось кромѣ желанія и настойчивости для того, чтобы росло и развивалось движеніе въ рабочей средѣ. Въ романѣ нѣсколько разъ упоминается о пропагандѣ и всегда оказывается, что она идетъ очень успѣшно, сообщается о рабочихъ центрахъ въ различныхъ концахъ Петербурга, говорится объ образованіи нѣсколькихъ новыхъ много общающихся рабочихъ кружковъ, и ни разу не слышно объ арестахъ на этомъ дѣлѣ.

Не фактическое положеніе дѣла, не невозможность или хотя бы трудность сношеній съ рабочими, а одно увлеченіе планомъ царевубійства заставляетъ Андрея спрашивать: „что выиграла бы страна, если бы революціонеры продолжали учить и проповѣдывать по закоулкамъ?“ Предъ интенсивностью впечатлѣнія террористической борьбы эта проповѣдь начала казаться революціонерамъ „хорошимъ“, въ дурномъ смыслѣ этого слова, т. е. не революціоннымъ „поведеніемъ“. А страстные борцы стремились къ самому лучшему, къ самому революціонному поведенію. Все революціонное олицетворилось, наконецъ, для нихъ въ одномъ царевубійствѣ. И послѣ двухлѣтнихъ гигантскихъ усилій они добились намѣченной цѣли. Царь былъ убитъ. Но дальше въ избранномъ направленіи идти было некуда, дѣлать нечего и движеніе быстро пошло подъ гору. Погибли сильные люди, воспи-

тавшіеся на нномъ дѣлѣ, ошибавшіеся относительно общихъ результатовъ своей террористической дѣятельности, но способные добиваться ближайшихъ намѣченныхъ цѣлей, умѣвшіе дѣйствовать. Осталась лишь та окружающая ихъ среда, которой восторгъ предъ терроромъ не позволялъ дѣлать съ увлеченіемъ ничего другаго, но которая къ террору-то именно и была совершенно неспособна.

На этотъ разъ, въ противоположность погрому 74 года, съ арестомъ дѣйствовавшихъ революціонеровъ исчезла самая возможность возобновленія сильнаго движенія. У оставшейся молодежи не было въ виду никакого привлекательнаго дѣла, никакой сколько нибудь выполнимой программы, никакихъ цѣльныхъ воззрѣній — ничего кромѣ мечты о подражаніи террористамъ. Но мечта не можетъ поддерживать организацій, на ней не могутъ вырабатываться практическіе дѣятели. Въ этомъ отношеніи самое незамѣтное дѣло бесконечно важнѣе самой грандіозной мечты. И организаціи постепенно разстроились, дѣятелей появлялось все меньше и меньше. У бывшихъ богатырей осталось много поклонниковъ, но не нашлось послѣдователей, такъ какъ повторять ихъ слова или даже пытаться подражать тѣмъ дѣйствіямъ, которыми они закончили свою революціонную карьеру, еще не значитъ быть ихъ послѣдователями.

Степнякъ рисуетъ намъ движеніе въ моментъ полнаго развитія его силы. Хотя онъ не дѣлаетъ никакихъ выводовъ кромѣ приведенныхъ нами выше заключительныхъ словъ, но все содержаніе романа, отношеніе къ дѣйствующимъ лицамъ, самый тонъ разсказа убѣждаетъ насъ въ томъ, что авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія своихъ героев - террористовъ; что онъ всей душой на сторонѣ вступленія въ прямую матерьяльную борьбу съ правительствомъ крошечной группы „избранныхъ“ конспираторовъ; что онъ самъ вмѣстѣ съ героемъ готовъ признать „хорошимъ“, недостаточно революціоннымъ „поведеніемъ“ продолженіе работы надъ вовлеченіемъ въ борьбу народныхъ массъ. Тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ оставляемое романомъ общее впечатлѣніе полной, роковой безнадежности борьбы, въ которую вступаетъ выведенная въ немъ горсть революціонеровъ, одиноко стоящихъ между незнающимъ ихъ народомъ, дрожащимъ отъ страха обществомъ и осврѣпѣвшимъ правительствомъ. Тѣмъ настойчивѣе напрашивается выводъ, что въ этомъ, если и „печальномъ“, то, во всякомъ случаѣ, единственномъ изъ міровъ, въ которомъ намъ, волей-неволей, приходится и жить и дѣйствовать, *побѣда* достается лишь силѣ, а сила революціоннаго движенія не можетъ заключаться ни въ чемъ иномъ, какъ въ его распространеніи на народную массу, и „гибель немногихъ избранныхъ“ приближаетъ побѣду лишь въ томъ случаѣ, если возбуждаетъ злобу и жажду мести и оставляетъ по себѣ память не въ сердцахъ лишь нѣсколькихъ товарищей, а въ сердцахъ все большій и большей части народной массы.

Русскимъ людямъ необходимо выйти изъ круга идей, дозволить имъ забыть совершенно азбучную для каждаго европейца истину, что безъ рабочей массы не мыслима никакая революція; необходимо убѣдиться разъ навсегда, что всякое революціонное движеніе, не направляющее всѣхъ усилій на то, чтобы рас-

пространиться въ народной массѣ, является ненормальнымъ, заранее осужденнымъ на гибель движеніемъ.

Но это не можетъ и не должно уменьшить любви и уваженія къ памяти людей, дѣятельностью которыхъ закончился предыдущій періодъ движенія. На нихъ не можетъ пасть и тѣни упрека. Практики и борцы, они стояли на высотѣ русской мысли своего времени, а это все, чего можно требовать отъ практическихъ дѣятелей. Они понимали положеніе вещей ничуть не хуже своихъ интеллигентнѣйшихъ соотечественниковъ, проповѣдывавшихъ какъ революціонныя, такъ и оппозиціонныя теоріи. Они вполнѣ, безукоризненно правы. Ихъ дѣятельность не привела къ тѣмъ результатамъ, которыхъ они ожидали. Но они хотѣли и умѣли, не смотря на всѣ препятствія, дѣйствовать сообразно со своими убѣжденіями и отдавали на дѣло всѣ свои силы, всѣ помыслы и самую жизнь, а такіе люди, каковы бы ни были ихъ ошибки, безконечно, внѣ всякаго сравненія, выше благоразумныхъ мудрецовъ, которые вполнѣ гарантированы отъ самонаибольшей ошибки въ своей политической дѣятельности тѣмъ именно, что ровно ничего не дѣлаютъ.

Главная заслуга романа Степняка заключается именно въ томъ, что онъ возстановляетъ предъ читателями все рѣже и рѣже встрѣчающіеся въ русской жизни типы прежнихъ нелегальныхъ революціонеровъ.

Теперь нельзя уже повторять слова этихъ революціонеровъ въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ говорили ихъ они, — жизнь уничтожила этотъ смыслъ. Нельзя походить на нихъ, стремясь подражать ихъ отдѣльнымъ дѣйствіямъ уже хотя бы потому одному, что они-то вѣдь никому не подражали, а самостоятельно прокладывали свой путь. Но, съ другой стороны, нельзя и стать серьезнымъ революціонеромъ, нельзя дѣйствовать при русскихъ условіяхъ, если дорожить хоть чѣмънибудь: своей легальностью, своимъ будущимъ, семейными привязанностями — чѣмъ бы то ни было, кромѣ удобствъ для дѣятельности. Нельзя, словомъ, дѣйствовать, не относясь къ дѣлу такъ же точно, какъ относились къ нему прежніе революціонные дѣятели. Съ этой стороны они останутся образцами для подражанія, пока Россія будетъ нуждаться въ такихъ революціонерахъ, а она будетъ нуждаться въ нихъ до той поры, когда разливъ революціоннаго движенія въ рабочей массѣ обеспечитъ побѣду.

До сихъ поръ у прежнихъ борцовъ было мало послѣдователей. Но они еще явятся. Россіи не миновать революціоннаго движенія противъ деспотизма, и начнется ли оно прямо въ рабочей средѣ, а недовольная современнымъ режимомъ часть высшихъ классовъ лишь воспользуется имъ въ рѣшительный моментъ, или молодежи этихъ классовъ еще суждено сыграть революціонную роль, — во всякомъ случаѣ, успѣшно дѣйствовать въ первомъ періодѣ этого новаго движенія будутъ въ состояніи только люди такъ же всецѣло отдавшіеся своему дѣлу, какъ отдавались ему прежніе революціонеры. И только такіе люди, которые сдумаютъ, какъ умѣли они, дѣйствительно дѣлать свое дѣло, какъ бы ни были велики препятствія, будутъ вправѣ считать себя ихъ настоящими пріемниками и продол-

жателями. Они будут вѣрны ихъ духу, какъ бы ни отличались новые взгляды и новая дѣятельность отъ того, что говорилось и дѣлалось тогда. И разъ пойдетъ успѣшно эта новая дѣятельность, разъ движеніе пуститъ корни въ рабочей массѣ, она узнаетъ и о прежнихъ дѣятеляхъ. Ихъ гибель, ихъ страданія еще принесутъ свои плоды. Въ рѣшительный моментъ они припомнятся правительству.

В. Засуличъ.